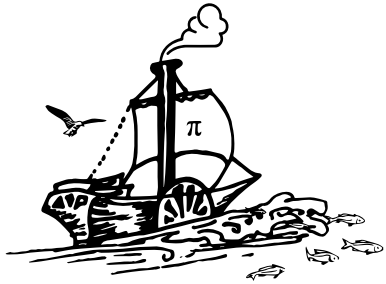
Лариса
Передний край
Миллер



Библиотека журнала «Пироскаф»

Лариса Миллер

Передний край

Москва
Пироскаф
2025

УДК 82-14
ББК 84(2)6
М60

Книга издана при поддержке Алексея Коровина

Миллер Л.

М60 Передний край / Лариса Миллер. — М. : Пироскаф, 2025. — 164 с. — (библиотека журнала «Пироскаф»)

Лариса Миллер родилась в 1940 году в Москве. В 1962 году окончила Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Работала учителем английского языка, преподавателем музыкальной гимнастики по системе Л. Н. Алексеевой. Автор 22 книг стихов и прозы и многочисленных публикаций в периодике. В сборник «Передний край» вошли стихотворения 2000—2025 годов и избранные стихи с 1965 года.

ISBN 978-5-00231-429-4

УДК 82-14
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00231-429-4

© Л. Миллер, 2025
© «Пироскаф», 2025

Вместо введения

Двадцать одно стихотворение разных лет

* * *

Я знаю тихий небосклон.
Войны не знаю. Так откуда
Вдруг чудится: ещё секунда —
И твой отходит эшелон!
И я на мирном полустанке,
Замолкнув, как перед концом,
Ловлю тесьму твоей ушанки,
Оборотясь к тебе лицом.

1965

* * *

Жизнь побалует немного —
Я хочу и дальше так:
Чтоб светла была дорога,
Чтоб незыблем был очаг,
Где желанна и любима,
Где душа легко парит,
Где под окнами рябина
Чудным пламенем горит.

1972

* * *

Хоть кол на голове теши —
Всё улыбаешься в тиши.
Тебе — жестокие уроки,
А ты — рифмованные строки,
А ты — из глубины души
Про то, как дивно хороши
Прогулки эти меж кустами
Ольхи. Твоими бы устами…

1979

* * *

Любовь до гроба. Жизнь до гроба.
Что дальше — сообщат особо.
И если есть там что-нибудь,
Узнаешь. А пока — забудь.
Забудь и помни только это:
Поля с рассвета до рассвета,
Глаза поднимешь — небеса,
Опустишь — травы и роса.

1980

* * *

Между облаком и ямой,
Меж берёзой и осиной,
Между жизнью лучшей самой
И совсем невыносимой,
Под высоким небосводом
Непрестанные качели
Между босховским уродом
И весною Боттичелли.

1980

* * *

Люби без памяти о том,
Что годы движутся гуртом,
Что облака плывут и тают,
Что постепенно отцветают
Цветы на поле золотом.
Люби без памяти о том,
Что всё рассеется потом,
Уйдёт, разрушится, и канет,
И отомрёт, и сил не станет
Подумать о пережитом.

1984

* * *

То облава, то потрава.
Выжил только третий справа.
Фотография стара,
А на ней юнцов орава —
Довоенная пора.
Что ни имя, что ни дата —
Тень войны и каземата,
Каземата и войны.
Время тяжко виновато,
Что карало без вины,
Приговаривая к нетям.
Хорошо быть справа третьим,
Пережившим этот бред.
Но и он так смят столетьем,
Что живого места нет.

1985

* * *

Перебрав столетий груду,
Ты в любом найдёшь Иуду,
Кровопийцу, и творца,
И за истину борца.
И столетие иное
Станет близким, как родное:
Так же мало райских мест,
Те же гвозди, тот же крест.

1985

* * *

И в чёрные годы блестели снега,
И в чёрные годы пестрели луга,
И птицы весенние пели,
И вешние страсти кипели.
Когда под конвоем невинных вели,
Деревья вишнёвые нежно цвели,
Качались озёрные воды
В те чёрные, чёрные годы.

1989

* * *

Всё способно умереть,
Потому что живо, живо,
В час весеннего разлива
Силам — таять, птицам — петь.
Тают в небе облака,
Тает снежная одежда,
Лишь последняя надежда
Не растаяла пока.

2001

* * *

Неуютное местечко.
Здесь почти не греет печка —
Вымирают печники.
Ветер с поля и с реки
Студит нам жильё земное,
А тепло здесь наживное:
Вот проснулись стылым днём,
Надышали и живём.

2001

* * *

Столько нежности, Господи. Воздух, крыло.
Третий день снегопад. Даже ночью бело.
Столько нежности, Господи, маленьких крыл,
Будто Ты мне все тайны сегодня открыл.
Не словами, а прикосновеньем одним
К волосам, и губам, и ресницам моим.

2008

* * *

Я говорю с пространством, с небом, с Богом,
А отвечают мне последним слогом.
Я вопрошаю: «Ждёт меня беда?» —
А мне в ответ — раскатистое «Да».
«Какие годы лучшие на свете?» —
Я спрашиваю. Отвечают: «Эти».

2012

* * *

Идти по первому снежку,
Потом по пятому, седьмому,
Идти то из дому, то к дому,
Почти приноровясь к шажку
Той вечности, что не спешит,
И вместе с тропами петляет,
И след, который оставляет,
Сама же снегом порошит.

Идти по первому снежку,
Потом по пятому, седьмому,
Идти то из дому, то к дому,
Почти приноровясь к шажку
Ребёнка, что едва-едва
Земли коснулся, встав на ножки,
И удивляется дорожке,
И силится сказать слова.

2012

* * *

Нет, мы не плачем, мы не плачем.
И будь мы хвостиком собачьим
Любой длины и толщины
С рождения оснащены,
Мы им бы весело виляли,
Безумно радуясь, что взяли
Нас погулять на белый свет,
Где можно взять волшебный след.

2012

* * *

Хотите, опишу тоску?
Осенний дождик моросящий,
Листву последнюю гасящий —
Хоть дуло приставляй к виску.

Хотите, счастье опишу?
Всё тот же дождь осенний редкий,
Всё тот же лист, слетевший с ветки,
Стихи, которыми грешу.

2013

* * *

Можно вычислить время прилива,
Скорость ветра и силу его,
Но захочешь понять, чем всё живо,
И опять не поймёшь ничего.
Не поймёшь, где тот скрытый моторчик,
Не дающий здесь всё сокрушить,
Почему задохнувшийся Корчак
Нам дышать помогает и жить.

2014

* * *

Я ещё одну минутку
Попросить у вас хотела:
Я не все печали в шутку
Обратить пока успела,
И не всё, с чем шутки плохи,
Превратила в приключенья,
И не все сумела вздохи
Сделать вздохом облегченья.

2015

* * *

Кто музыку такую сочинил,
Тот знает то, чего никто не знает:
Куда уходит день, когда он тает,
Кто этот зимний вечер засинил
И почему горят через один
Все фонари. И почему на свете
Живут одни лишь маленькие дети:
Те — с чёлочкой, те — в облаке седин.

2017

* * *

А из последних новостей
Из мира всяческих страстей,
Что дней лавина не застыла,
Что нет спасительного тыла,
Что мир земной — ни ад, ни рай,
А лишь сплошной передний край.

2022

* * *

Счёт пошёл на минуты,
А минуты летят,
Жить средь нынешней смуты
Ни за что не хотят.
Есть минуты иль нету
У меня на счету —
Задержать бы хоть эту
С белой вишней в цвету.

2023

Стихи 2020—2025

2020

* * *

Проснулся? Ну значит, вернулся к себе,
К своей, скажем прямо, нелёгкой судьбе,
Вернулся к своей незаконченной фразе,
Вернулся, чтоб снова налаживать связи
С живыми, с ушедшими, с небом, с землёй,
С глухим бездорожьем, с родной колеёй.

* * *

«Да не держи ты оборону.
Ведь говорю тебе: не трону», —
Судьба заверила меня
В начале нынешнего дня.
И мне охота ей поверить,
Одёжку вешнюю примерить,
Её проветрить, освежить,
Ушить, подшить и дальше жить.

Целина. 1958 год

Под звёздным небом пить чифирь,
Став снова юной и влюблённой.
Ах, память, верный поводырь
Моей души неутолённой,
Веди меня в ту сказку, быль,
В те степи без конца и края,
Где мы любили мять ковыль,
Полынь меж пальцев растирая.
И были чистой целиной
Дороги наши, судьбы, души,
Когда какой-то неземной
Восторг на нас Творец обрушил,
Нас на мгновенье посвятив
В свой тайный замысел глубинный
И озадачив и смутив
Той тайны горечью полынной.

* * *

Когда я за и против взвесила,
За, как обычно, перевесило.
Вновь перевесила весна,
Хотя она слаба, грустна,
Тоща, глаза на мокром месте,
Но даже плакать с нею вместе
На людях или же в тиши —
Отдохновение души,
Улыбки слабое свеченье
И долгий выдох облегченья.

* * *

О, как мне хочется поплакать
И о печальном покалякать
С ненастным и дождливым днём,
Найти родную душу в нём
И развести с ним вместе слякоть,
Добавив море горьких слёз
К дождю, который день принёс.

* * *

В окошко сунулась с вопросом,
Оно закрылось перед носом.
Не то закрылось на обед,
Не то приёма нынче нет.
И вот стою и озираюсь,
Стою и с духом собираюсь,
Не знаю, как себя вести
И где мне справки навести
Про эту странную планету,
Где никаких разметок нету,
Где даже надпись «Я здесь был» —
И ту почти что дождик смыл.

* * *

Я дыханье твоё берегу,
Берегу твои выдохи, вдохи.
Чем ещё я заняться могу
Посреди этой гиблой эпохи,
Если даже любовь — не броня,
Если кровля — уже не защита
И летят все превратности дня
Сквозь неё, как сквозь мелкое сито?

* * *

А что такое — мирозданье?
Ветвей притихших очертанье
За незашторенным окном.
И мы с тобою — два в одном —
То внемлем яблочному стуку,
То смотрим сон, который в руку.

* * *

А вас как встретил мир земной?
Меня вот встретил он войной,
Ходынкой жуткой на вокзале,
Как мне родные рассказали.
Сказали, что горел состав,
Что где-то в поле среди трав
Мне жизнь бабуля сохранила
Тем, что от бомбы заслонила.
Когда же воцарился мир,
Давать мне стали рыбий жир,
Спасти стараясь от рахита
И от любого дефицита.
Ну, одним словом, мне везло.
И не старался мне назло
Подставить ножку день летучий.
Короче, я умру везучей.

* * *

Я знаю, что значит уют.
Откуда я знаю, не знаю.
Наверно, оттуда, где к маю
Муку в одни руки дают.
Оттуда, где я в череду
Стою за желанным пакетом,
Объятая праздничным светом
В том вешнем кромешном аду.

* * *

А если в памяти порыться,
Нашарю детское корытце,
А в нём себя и куклу Машку.
Я тру мочалкой замарашку,
А баба трёт меня мочалкой.
И всё это в какой-то жалкой
Подвальной комнате убогой.
Ты, время, этого не трогай.
Пусть всё останется, как было:
Бабуля, я, кусочек мыла,
Кусочек мыла драгоценный,
Заштатный город, год военный.
Мне два, а кукле Машке годик.
Нас ждёт волшебный бутербродик
На самобранке, битой молью, —
Кусочек хлеба с крупной солью.

* * *

Куда-то с бабушкой иду.
Мне года три или четыре.
Я в интересном этом мире
Жизнь интересную веду.

Идёт здесь странная игра
И называется «бомбёжка»,
И я ловлю в свои ладошки
Летучие прожектора.

А в магазине я встаю
На небольшую табуретку
И за липучую конфетку
Стихи читаю и пою.

А чтобы ночь была теплей,
Я у бабули вместо грелки,
А в чёрной радиотарелке
Звучит Алябьев — «Соловей».

* * *

Поверь, возможны варианты,
Изменчивые дни — гаранты
Того, что варианты есть,
Снежинки — крылышки, пуанты —
Парят и тают, их не счесть.
И мы из тающих, парящих,
Летящих, заживо горящих
В небесном и земном огне —
Царящих и совсем пропащих
Невесть когда и где, зане
Мы не повязаны сюжетом,
Вольны мы и зимой и летом
Менять событий быстрый ход,
И что-то добавлять при этом,
И делать всё наоборот,
Менять ремарку «обречённо»
На «весело» и, облегчённо
Вздохнув, играть свой вариант,
Чтоб сам Всевышний увлечённо
Следил, шепча: «Какой талант!»

Год 1947

А мы в родном двадцатом веке
В начальных классах, точно зэки,
Держали руки за спиной,
Как будто мучились виной.
Какой виной — не знали сами.
Но тёти злыми голосами
Велели нам сидеть, молчать,
Лишь на вопросы отвечать.
Ответил — дальше по науке:
Рот на замок, за спину руки.

* * *

Я звеньевая. Пятый класс.
На рукаве моём нашивка.
Судьбы весёлая наживка
Мне оказалась в самый раз.
Ведь я возглавила звено,
Ведь находилась я у власти.
Но было мне на это «счастье»
Лишь два денька отведено.
Злой рок вступил в свои права,
И за стишок вполне невинный
Велели мне прийти с повинной,
Нашивку срезав с рукава.
Вот так в те юные лета
Погибла дивная карьера,
Моя наивная химера
И простодушная тщета.

* * *

Уговорили. Остаюсь.
Вы по отдельности и хором
Внушали мне с таким напором,
Что надо жить. И я сдаюсь
Тебе на милость, птичий грай,
Капризный май, тебе на милость.
Мне до того претит унылость,
Что хоть совсем не умирай.

* * *

Да не пропала строчка эта,
Она лишь стала частью света.
Она лишь, частью света став,
Вошла в таинственный состав
Рулады, что под утро слышим,
И воздуха, которым дышим.

* * *

Точно с неба свалилась — никак не врублюсь:
То ли в настежь открытые двери ломлюсь,
То ли впрямь нечто новое я открываю,
То ли ближних и дальних от дел отрываю,
Заставляя их слушать опять и опять
Тот стишок, что успела с утра наваять,
Где пишу я про небо, которое ало,
И про то, как с него я на землю упала.

* * *

Весь мир состоит из малюсеньких «я».
Несметные «я» населяют планету.
Хоть целую вечность таскайся по свету,
Услышишь повсюду лишь «мой» да «моя».
Но коль повезёт, то из той пустоты,
Откуда вообще всё живое берётся,
Возникнет и грустному «я» улыбнётся
Такое родное и тёплое «ты».

* * *

А на снимке — давний миг,
Давний миг в потёртой рамке:
Мальчик в беленькой панамке,
На панамке — светлый блик,
Не успевший соскользнуть
И оставшийся на снимке.
Разве можно без заминки
Одолеть весь этот путь?
Я легка, ребёнок мал,
Счастья много, горя мало…
То ли *я* тот миг поймала,
То ли *он* меня поймал.

* * *

Спасибо, сыночек, тебе за заботу.
За то, что стихи мои чувствуешь слёту,
За то, что по тропке тернистой, земной
В любую погоду гуляешь со мной.
Большое спасибо тебе, благодарствуй
За то, что ты мне добываешь лекарства
И помнишь, какие когда принимать,
Какие продолжить, какие снимать.
И хоть ты стихов никаких не слагаешь,
Но мне их писать каждый день помогаешь
И взгляды мои разделяешь вполне,
И мы на одной пребываем волне.
Спасибо, что ты на меня не сердился
За то, что однажды в июне родился.

17 июня 2021

* * *

Мне нынче всё до фонаря —
Вон до того, что там качается,
Где наш посёлочек кончается,
Пыльцой берёзовой соря,
Откуда тропка прямиком
Бежит не то до ближней станции,
Не то до высшей той инстанции,
Где всё решается тайком.

* * *

А мама праздники любила.
Казалось, нет такого дня,
Чтоб мама повод не добыла
Устроить праздник для меня.
И средь обыденного мира
Из ничего, из пустоты
Вдруг появлялся ломтик сыра
И в вазе свежие цветы.
И были будни светоносны,
И с лёгкой маминой руки
Сияли дни победоносны
Всему на свете вопреки.

* * *

Я что-то давно дурака не валяла,
Как пёсик счастливый хвостом не виляла,
Ворон не считала. Серьёзно жила.
Мирские заботы, земные дела.
И вдруг расцвели вдоль дорожек фиалки,
И лето, воскликнув: «Давай в догонялки!» —
Вперёд устремилось, смеясь на бегу,
Не зная, что я уже так не могу.

* * *

Заря собою упивается,
Имеет тонкое чутьё.
Недаром ветер увивается
За каждым кустиком её.

Заря в лучах своих купается,
Ей всё пристало, всё к лицу,
И даже то, что осыпается
Её жасмин, идя к концу.

* * *

Я вовсе не держу в секрете,
Что я люблю вращаться в свете,
Что я люблю с утра, с шести,
Беседу светскую вести
С погожим утром, лёгким, летним,
Где место есть и снам, и сплетням.

* * *

Наверное, просто мне больше всех надо,
Коль я оказалась средь зарослей сада,
Средь влажных, росою забрызганных нитей,
Во чреве кустарника, в гуще событий,
Касанием лёгким задев за живое
Тревожное что-то, больное, родное.

* * *

На чём же я могу настаивать?
Моё занятие — истаивать,
В земные распри не влезать
И потихоньку исчезать
Из воспалённого и гневного
Сюжета крайне злободневного.

* * *

Мне дали всё: рассвет, закат,
И тёплый дом, и тихий сад,
И ширь, и высь, и близь, и дали,
Но лишь инструкцию не дали,
Как это всё употребить.
И я решила полюбить
Сей шаткий мир сквозных конструкций
Без указаний и инструкций.

* * *

Я снимаю с мира пенки —
Сплю уютно носом к стенке.
А как только кончу спать,
Буду к жизни приступать
Потихоньку, по шажочку,
Огибая яму, кочку.

* * *

Иногда надо в жизни хоть что-то менять.
Ну хоть в вазе цветы, ну хоть коврик у двери.
Поменять ну хоть что-то в той крошечной сфере,
Где осталась возможность на что-то влиять.
Ну хоть лёгкую штору сменить на окне
На другую, на более плотную, что ли,
Что меня защитит от безжалостной доли
Догорать без остатка в закатном огне.

* * *

А вот и музыка проклюнулась
Сквозь хаос и нагроможденье.
И не за этим ли я сунулась
Сюда однажды в миг рожденья?
И не за этой ли мелодией,
И не за этим ли пространством?
И не за этой ли просодией,
Что согласуется с убранством
Дней августовских, ослепительных,
Неудержимых и летящих,
Непостижимых, упоительных,
И безутешных, и щемящих?

* * *

Да нет, — твердим, — да нет, да нет.
О, эти бзики русской речи!
Живём, себе противореча,
На всё у нас один ответ:
Немного *нет*, немного *да*,
И если *да*, то *нет* отчасти.
И кружит где-то возле счастья
Непоправимая беда.

* * *

Мы чья печаль? Забота чья?
Мы у кого защиты просим?
Есть только осень, осень, осень
И листья, листья в три ручья.
Есть только листья в три ручья,
Легко летящие с берёзы,
Есть исторгающая слёзы
Тоски и радости ничья.

* * *

А покуда осень длится,
На неё хожу молиться.
Я, по счастью, на ногах,
А молельня в двух шагах.
Только выйду и налево.
Там текут с любого древа
Листья жёлтые рекой,
Отправляясь на покой.
Мне ж предписано обрядом
Провожать их тихим взглядом.

* * *

Летает снег с тишайшим шорохом,
Латает брешь.
Коль день прожить не хватит пороха,
Останусь меж
Жестоких приступов отчаянья,
Гнетущих снов
И полосой любви и чаянья —
Летучих слов.
И я живу, всему подвержена,
И тщусь понять,
Вознесена я иль повержена
В тоску опять.

* * *

А знаешь, как я умудрилась
Прожить так долго? Я бодрилась.
Я прямо с самого утра
Внушала всем, что я бодра.
Теперь при самой сильной боли
Я выйти не могу из роли.
Хочу сказать: «Болит душа»,
Выходит: «Осень хороша».
Хочу сказать: «Надежда тает»,
А говорю: «Смотри, светает».

* * *

Ну что ещё вы заберёте
С собой, стремительные дни?
Да вы и сами на излёте,
Остались мелочи одни.
Остались днёвки и ночёвки,
Числом неведомым пока,
Да из окна моей хрущёвки
Волшебный вид на облака.

* * *

Но я должна вам пригрозить,
Что я могу вас заразить
Любовью к дням обыкновенным,
К их тихим тайнам сокровенным.
Воздушно-капельным путём
Я заражу вас не нытьём,
А лишь порочной тягой к счастью
И к жизни пагубною страстью.

* * *

И никаких проблем с общением
Сегодня нету у меня.
С каким-то свежим сообщением
Летит ко мне в начале дня
Неутомимый и порывистый
И бесшабашный ветерок,
А с ним собачий лай заливистый
И весь проснувшийся мирок
Спешат сквозь щёлочку оконную
В моё жилище заглянуть.
Я нынче даже высь бездонную
Сумела в разговор втянуть.

* * *

Хотела смехом всех залить,
А заливаю всех слезами.
Хотелось дни свои продлить,
Но всё решается не нами.
А кем решается и где —
Небесной силой, местным боссом?
В кромешных безднах? На звезде? —
Так и осталось под вопросом.
Но заморачиваться им —
Вопросом сим — себе дороже.
Живу сегодня днём одним,
Но восхитительным до дрожи.

* * *

А если хочешь отдохнуть
И надоела жизни драма,
Попробуй пальчиком смахнуть
Всё это с чуткого экрана.

Слегка коснулся — мир исчез,
Слегка коснулся — мир явился,
И так его ничтожен вес,
Что сам Создатель удивился.

* * *

День, догорая, из-за туч
Послал мне свой закатный луч.
Поняв, что долго не продлится,
Решил последним поделиться.

* * *

Подержи мою поклажу,
Я побегаю пока.
Ты понять не можешь даже,
Из какого далека
Я тащу вот эту ношу.
И теперь, почти дойдя,
Ни за что её не брошу
Ни сейчас, ни погодя.
Просто так устали плечи,
Что прошу я — подержи
Все мои разлуки, встречи,
Слёзы, грёзы, миражи.

* * *

Ах, снежный месяц. Снега крошево.
Чем занимаюсь? Жду хорошего.
Такие у меня дела
С тех пор, как мама родила.
Мне скоро скажет мироздание:
«Благодарю за ожидание».

* * *

День начался весёлой пьеской —
Беседой ветра с занавеской.
Сквозняк в окно моё влетал
И что-то нежное шептал,
А занавеска отвечала.
Какое дивное начало!
Какой ликующий зачин!
Избавь, Всевышний, от причин
День, наступивший так чудесно,
Кончать темно, тяжеловесно.

* * *

Жертвам безумной распри посвящаю

А люди всё бегут, бегут
По той земле, что населяют.
А в них стреляют и стреляют,
Их здесь совсем не берегут.
Они бегут с узлом в руках,
С младенцем сонным на закорках,
С мечтою об уютных норках,
Где тишина, как в облаках.

А впрочем, гонится и там
Беда за ними по пятам.

Июль 2014 — 24 февраля 2022

* * *

Слова приходят, но они
Скорей похожи на рыданья,
И с миром каждое свиданье
Прощанью горькому сродни.
И как сегодня бытовать
Тому, чьё главное занятье —
Свою тетрадку, как объятья,
С утра пораньше открывать?

* * *

А жизнь идёт, идёт, идёт
По водам, долам и уступам.
Идёт по тропам и по трупам
И никого нигде не ждёт.
Идёт, не зная, почему
С земли и с неба, слева, справа
На жизнь объявлена облава,
Непостижимая уму.

5 марта 2022

* * *

Все привычные вехи крошатся.
Боже мой, не пора ли вмешаться?
Не пора ли беду обуздать?
Так ведь можно совсем опоздать,
И не станет ни тварей, ни тверди,
И спасать будет некого, негде.

* * *

Дни чёрные, чёрные, чёрные длятся.
Чтоб жить, надо в жизнь непременно влюбляться.
Чтоб жить, надо с миром сердечно дружить,
Иначе никак не получится жить.
Чтоб жить, надо верить хотя бы немного,
Что мир сотворён при участии Бога
И даже кромешным безрадостным днём
Какая-то искорка теплится в нём.

* * *

А стая птичьих божьих тварей
Сегодня ночью с трёх часов
В таком находится ударе —
Нет сна от птичьих голосов.
Заря в окно моё плескает
Пригоршни трелей и рулад…
И как Всевышний допускает,
Что где-то рядом сущий ад,
Что где-то рядом с вешней птицей,
Чья песня льётся, как струя, —
Домов обугленных глазницы
Глядят на пепел бытия?

* * *

«Держись, — сказали мне, — держись».
За что держаться — не сказали.
Не то за призрачные дали,
Не то за призрачную высь,
Не то в неведенье святом
За край мечты, что эфемерна,
Не то за строчку, что, наверно,
Возьму и вычеркну потом.

* * *

Чем дальше в лес, тем больше дров,
Тем больше слёз, тем меньше слов,
Скуднее мой запас словарный,
И пары нет для рифмы парной.
И мнится: рифму обрести —
Как жизнь кому-нибудь спасти.

* * *

Хоть жизнь моя перелисталась,
Я почему-то жить осталась.
Не то у нынешнего дня
Свои есть виды на меня,
Не то меня из этой были
Однажды вычеркнуть забыли,
Заставив вновь держать ответ
За эту тьму, за этот свет.

* * *

Когда тебе сто лет в обед,
Откуда будущему взяться?
Но не кончается рассвет,
И вёсны мартовские длятся,
И горек воздуха состав
В краю намоленном, домашнем,
И, будущим не побывав,
Мой день становится вчерашним.

* * *

Где-то рядом — смертный бой,
Перестрелка, битва, стычка,
Здесь же — полог голубой
И порхающая птичка.
Где-то рядом — бойня, брань,
Кровь и гибель, сеча, схватка,
Здесь же — в утреннюю рань
Спят, посапывая сладко.
О, Создатель, дай ответ,
В мире, что Тобой основан,
Дня сегодняшнего бред
Был с Тобою согласован?

* * *

Когда, заглушая весенний галдёж,
Раздастся пронзительный голос сирены,
То ты, покидая родимые стены,
Бери только то, без чего пропадёшь.
Бери, собираясь в неведомый путь,
Кой-что из лекарств, кое-что из одежды,
А главное, каплю последней надежды
Средь прочих вещей захватить не забудь.

* * *

А я хочу ещё при жизни
Пожить в приемлемой отчизне,
Хочу в ней встретить Новый год
Без тайных страхов и невзгод.
Хочу, чтоб адрес был домашний
Сегодня тот же, что вчерашний.
Хочу всю ночь писать стихи
Про ворох нежной чепухи
И не стесняться русской речи,
С людьми здороваясь при встрече.

* * *

Вот и нас не обошла
Эта горестная чаша,
Вот и нас война нашла,
Окровавив время наше.
Вот и к нам пришла чума
И жестокая холера,
Вот и нас настигла тьма,
Для которой нет барьера.
Да неужто мы всерьёз
Полагали — обойдётся
И причин для горьких слёз
И печалей не найдётся.
Уродившись там, где бьют
По живому, без промашки,
Жили, веруя в уют
И возможные поблажки.

* * *

Ах, поселиться б в точке света,
Где Бог имеет право вето
И может вето наложить
На то, что нам мешает жить,
На то, что жизнь не украшает,
А безнадёжно разрушает
До дна, дотла, до чёрных дыр.
Ах, отыскать бы где-то мир,
В котором чувствуется кожей,
Что он и в самом деле Божий.

* * *

Простите, я не уследила:
Здесь жизнь моя не проходила?
Она обычно здесь паслась
И вдруг куда-то унеслась,
С собою прихватив при этом
Весенний грай перед рассветом,
Сердечный пыл, восторг, кураж —
Короче, весь ручной багаж,
Всё, без чего резона нету
И дальше населять планету.

* * *

О, как просто нас убить,
О, как просто нас разрушить,
О, как хочется любить
И весенних пташек слушать.
О, как надо, чтоб они
Нам ещё разочек спели,
Что миражны наши дни
И фантомны наши цели.

* * *

На этом свете белом-белом
Я нахожусь душой и телом,
Хоть знаю точно — риск большой
Здесь жить и телом и душой.
Я б непременно увильнула,
Когда б однажды не прильнула
Губами к чаше ли, к судьбе,
К земному мигу и к тебе.

* * *

Мне ночь дала прямой ответ:
«Конец всему. Надежды нет».
И так убила новость эта,
Что я рыдала до рассвета.
А утром прилетела весть,
Что всё-таки надежда есть.
Она живёт, не умирает,
Бумагу белую марает.

* * *

А в разбомбленном доме висит календарь,
Точно как у меня. Мне такой же купили.
Календарь почернел, так как дом разбомбили,
Превратив чьи-то радости в пепел и гарь.
И висит календарь неизвестно на чём —
На какой-то верёвочке, ниточке, леске,
И играет остаток цветной занавески
С заплутавшим случайно печальным лучом.

* * *

Хочу, на всё махнув рукой,
Душевный обрести покой.
Хочу спокойно спать ночами,
Махнув рукой, пожав плечами.
Хочу, короче говоря,
Чтоб было всё до фонаря.
Хожу-брожу, для хаты с краю
Потише место выбираю.
И убеждаюсь: в море бед
Для хаты с краю места нет.

* * *

Чем завершился разговор?
А разговор не завершился.
Он просто с некоторых пор
Огня и пылкости лишился.
И протекает не спеша,
В нём ни обиды, ни угрозы,
Но иногда дрожит душа
И говорить мешают слёзы.

* * *

Я много чего ещё не испытала:
Вот я с парашютом ещё не летала,
Ещё не плутала в суровых горах,
Ещё не жила в запредельных мирах,
А мне уже гаркнули: «Знай своё место!»
Команду сию приняла без протеста.
Верней, протестуя, но лишь про себя,
Скандалов и ссор от души не любя.
А место, которое мне навязали,
Вообще-то прекрасно. Хотите детали?
Жилище с окошком, распахнутым в сад,
Где пробую жить с мирозданием в лад.

* * *

Я с жасмином дружу. Я рассвет с ним встречаю.
Хоть он жив и здоров, по нему я скучаю.
Хоть он жив, и здоров, и лучами просвечен,
И собою хорош, но раним и не вечен.
А невечных любить — это сладкая мука,
И во встрече, увы, затаилась разлука.
«Как живёшь?» — говорю я ему, просыпаясь.
«Хорошо», — отвечает он мне, осыпаясь.

* * *

Качнулась ветка, тень упала,
Лучи сияют вполнакала.
Начало дня, прозрачна тень.
Да будет утро целый день!
Да буду я и в час заката
Лишь светом утренним объята!

* * *

Рассвет прозрачнее слезы,
И заревое небо ало.
А на земле, поправ азы,
В людей стреляют из металла.
Стреляют сутки напролёт,
Снаряд летает за снарядом,
Обстрел, налёт, обстрел, налёт,
Вот полыхнуло где-то рядом.
Повсюду минные поля,
И где она — слеза ребёнка?
На месте тёплого жилья
Зияет чёрная воронка.

* * *

Как обойтись без рифмы парной,
Живя в среде неблагодарной,
Живя в недружеской среде,
Где только слышишь: «Быть беде»?
Как обойтись без рифмы детской,
Такой простой, добрососедской,
Способной душу облегчить
И даже ранку полечить?
И вот сижу пишу в тетрадку
Стишок, похожий на загадку,
Где вверх тормашками ответ
На тёмный мир бросает свет.

* * *

Мне вечно что-нибудь мешало,
Терзало душу, сна лишало,
Внушало мне, что счастья нет,
Я горько плакала в ответ,
И горевала, и рыдала,
И жизнь, как дождь, пережидала,
И вдруг решила: глупо ждать —
Гулять под ливнем — благодать.

* * *

Я о страшном и знать не хочу.
Сил не стало, — уж вы извините, —
На подробности с места событий.
Я ведь тоже тем рейсом лечу
В самолёте, что должен упасть
И пропасть где-то в тёмных глубинах.
Я ведь тоже боюсь, что в любимых
Может некий безумец попасть.
Я ведь тоже ночами бегу
От какой-то ковровой бомбёжки
И младенцу в кровавой одёжке
Почему-то помочь не могу.

* * *

Ну а пока одно лишь ясно —
Что жизнь сложна и жить опасно.
Не то она — бесценный дар,
Не то — под дых шальной удар
Иль просто смена тропок, треков
И бедных смертных человеков.

* * *

День наступает неохотно,
Как будто боязно ему
Вдруг обнаружить в мире что-то
Непостижимое уму,
С чем невозможно примириться,
На что немыслимо глядеть,
Куда и птица побоится
Вдруг ненароком залететь,
Куда и ветер не заскочит,
Чтоб нам дорожки расстилать,
Куда и небо не захочет
Свой луч рассветный посылать.

* * *

Дорогие мои, чтобы вам рассказать,
Что здесь было, когда вас на свете не стало,
Я огромную кипу тетрадей достала,
Где пыталась слова со словами связать,
Рассказать поподробней про воздух и свет,
Про оттенки живого летучего звука,
Про серебряный смех малолетнего внука
И послать вам отсюда сердечный привет.
Но такие надвинулись вдруг облака,
Из такого свинца, из такой безнадёги,
Что не вижу ни лиц, ни домов, ни дороги
И, слова не найдя, умолкаю пока.

* * *

О Боже, как нас наказали!
Зачем-то старость навязали,
И навязали нам войну,
И навязали нам вину.
А мы надежды возлагали,
Стихи о будущем слагали.
Что б ни творилось за окном,
Упрямо верили в «потом».
И вот «потом» пришло, настало.
«Ты кто?» — спросила я устало.

* * *

Давай подумаем, как быть,
Куда ж нам плыть, к чему стремиться,
Как информацию добыть
О том, что в будущем таится.
И чтобы ты не заскучал
И не утратил вдохновенья,
Господь придумал тьму начал
И бесконечный акт творенья
И дал возможность день начать
С какой-то небывалой ноты
И без утайки отвечать,
Когда Он спрашивает: «Кто ты?»

* * *

Худо мне в настоящее время.
Я таскаю весь горестный год
Это время, как тяжкое бремя,
Уповая на лучший исход.
Время давит, а я уповаю.
Каждый делает дело своё.
Время всё-таки не убиваю —
В нём и поле моё, и жнивьё.

* * *

Памяти Миши Кукулевича

Все друг друга предают,
Оставляют, покидают,
Бросив тутошний уют,
Вдруг из вида пропадают,
Вдруг уходят в никуда,
Растворяются в пространстве.
С кем же, Господи, тогда
Говорить о постоянстве?
Вот сошёл ещё один
Ближний мой с земного круга…
Ну давайте ж пощадим,
Люди добрые, друг друга.

* * *

«Как живёте?» — спросили. Вот так и живём:
В пасти дикого зверя уют создаём,
В пасти дикого зверя наводим уют,
Занавески шуршат, половицы поют.
Мельтешим, шебаршим, а устав хлопотать,
Позволяем себе в облаках повитать,
Если нам позволяет развёрстая пасть
Видеть светлых небес хоть какую-то часть.

* * *

А война не кончается, как и любовь,
Как и жизнь. А война всё воюет, воюет,
И, резвясь, по ночам её черти малюют,
Прицепляя к ней рифму, избитую в кровь.
И какую здесь рифму ещё подобрать,
Коль так просто войну развязать и затеять,
И так просто отчаянье в душах посеять,
И так трудно кровавые пятна убрать?

* * *

Но пока в этой жизни есть повод для смеха,
Не сдавайся, живи, и желаю успеха.
Если брать каждый радостный миг на заметку,
То из каждого дня можно сделать конфетку,
Пусть не высших сортов, пусть совсем без изыска,
Пусть простой леденец или просто ириска.

* * *

А осень листву зажигала, гасила,
С утра и до ночи под счастье косила,
Летала, шептала, сияла, шуршала —
С великим усердием мир украшала.
И что-то такое она излучала,
Что я вдруг открыла, что мне полегчало.
Хотела сказать ей, но как-то замялась.
Я просто, наверное, сглазить боялась.

* * *

Я жизни тотчас всё простила
За то, что в час осенний свой
Она дорожки замостила
Золотоносною листвой.
Я ей простила эфемерность,
Простила ей, что коротка,
Что смертных, ей хранящих верность,
Она пускает с молотка.
Простила ей, что ей до фени,
Что все мы думаем о ней.
Она ликует в пышной пене
Своих светло горящих дней.

* * *

Давай посидим, полистаем лета,
Года полистаем.
«Тщета», — говоришь. — Ну конечно, тщета,
Где рифмою — «таем».

Давай полистаем лета, как альбом,
Где старые снимки,
Где хочется взгляд задержать на любом,
Где рифмою — «в дымке».

И всё, что давалось нам так нелегко
И так угнетало,
Потом далеко, далеко, далеко
Легко улетало.

* * *

Трудясь над буковкой кривой,
Писала ручкой перьевой.
И всё, что я тогда писала,
Качалось, падало, плясало.
А я училась в первом «А»
И жизнь нелёгкую вела,
И добавляли мне мороки
Чистописания уроки.
И с той поры пишу, пишу,
Слова в тетрадку заношу,
Пишу с нажимом, без нажима
О том, что жизнь непостижима.
И хоть прилежно всё учу,
Я в том же первом «А» торчу
И совершенно не готова
Постичь премудрости второго.

* * *

Жизнь не нуждается в советах.
Она живёт в своих рассветах,
В своих закатах и ночах,
В своих рассеянных лучах,
В своих загадочных секретах.
Живёт, меняя каждый час
Листву и небо, ветер, нас.

* * *

Проснулась и чувствую: всюду болит.
На месте артрит и на месте колит,
Стреляет коленка, болит голова.
Короче, победа — я снова жива.
И даже я знаю, что надо принять,
Чтоб острую боль потихоньку унять,
Что надо покапать, а что рассосать,
Чтоб дальше о радостях жизни писать.

* * *

Живу одним, но дивным днём,
Легко играющим с огнём
Листвы летящей.
Живу с утра до ночи в нём
Среди слепящей
Листвы, что ропщет на тщету
И, улетая в темноту,
Вдруг зависает,
Творя невольно красоту,
Что мир спасает.

* * *

От листвы, что летает то врозь, то гурьбой,
Я сегодня балдею.
Не владею ничем: ни листвой, ни тобой,
Ни собой не владею.
И от горестной зыбкости светлого дня
И от хрупкости крова
Я сегодня — простите за слабость меня —
Разрыдаться готова.
Не до нежностей нынче, я знаю, да-да,
Не до вздохов, но всё же:
Как бывает мучительных дней череда
Ослепительна, Боже!

* * *

Чем занята? Пытаюсь жить
И на заре, и на закате,
Как будто кто-то доложить
Меня просил о результате.
И так тружусь, что даже ночь,
Что обожает быть кромешной,
Меня спросила: «Чем помочь?» —
Увидев вид мой безутешный.

* * *

Всё быстрее редеет друзей череда,
Всё шустрее летают и дни, и года,
Всё темнее утра, всё продлённее ночи,
Что до тварей бессонных особо охочи,
Им внушая, что рядом таится беда.
Дело долгих ночей — лютовать, лютовать
И диктанты безумные нам диктовать,
А моё, как всегда, трудоёмкое дело —
Сделать так, чтоб я утром опять захотела
И опять попыталась блоху подковать.

* * *

Слова привычные, родные
Для дней текущих не годятся.
Нужны какие-то иные —
Те, что сегодня не родятся.
И шевелю весь день губами,
И пробую нашарить слово,
Чтоб рассказать родным и маме
И всем ушедшим из-под крова,
Что на дворе стоит эпоха,
Где всё решают рукопашно…
И повторяю: «Плохо, плохо»,
И причитаю: «Страшно, страшно».

* * *

А жизнь норовит превратиться в нытьё —
Недуги, болячки.
Ну что это, Боже ты мой, за житьё?
Сплошные заплачки.
Ну что это, Бог мой? И слышу в ответ:
«Тебе в утешенье —
Вот снег, вот его утешительный свет,
Его мельтешенье.
На круге земном, что залатан снежком,
Какие терзанья?»
И мир стал не кругом, а просто кружком
Шитья и вязанья.

* * *

Всё было на шарике, всё уже было,
И нового я ничего не открыла.
Всё было на шарике — мир и война,
И жить приходилось во все времена.
И люди — такая несчастная каста.
Об этом читайте у Экклезиаста.
На счастье ли всё это иль на беду,
Но мы в бесконечном стоим череду,
Стоим, наших ближних плечом задевая,
И очередь эта живая, живая.

* * *

Себе приказываю спать,
Но продолжаю жизнь листать.
Года листаю и листаю
И от любви к былому таю.
Вот мама с рыжим завитком,
Вот чашка с красным ободком
От маминой губной помады,
А вот Снегуркины наряды,
Что шили мне под Новый год.
Вот папка старая для нот.
И всё до боли мне знакомо.
Я дома, Господи, я дома.
Хоть и тогда хватало бед,
Но вечерами тихий свет
Мерцал под жёлтым абажуром.
А нынче под покровом хмурым
Идут бои, бои, бои…
И где чужие? Где свои?

* * *

Мне дали воздуха запасы,
Сказали: «Воздухом дыши».
Про небо нежного окраса
Сказали: «Это опиши».
Мне дали время и сказали:
«Вот в эти сроки уложись»,
А про окрестности и дали
Сказали: «Бегай и кружись».
И я всё делала прилежно:
Дышала воздухом своим,
Про небеса писала нежно
И посылала строки им.
Судьбы штудируя уроки,
Я свято время берегла,
И всё же в заданные сроки
Я уложиться не смогла.

* * *

Велели жизнь претерпевать,
И я её претерпеваю.
И, оказавшись нынче с краю,
Велю себе не унывать.
И нахожу, что жизнь — она
Отсюда смотрится неплохо,
Хотя текущая эпоха
Весьма на радости бедна.
Зато здесь можно завести
Простую грядку для морковки,
Чтобы потом (люблю уловки!)
Перед собой её нести.
Морковка манит, ты идёшь.
Морковка манит, манит, манит,
И, коль однажды не обманет,
Ты нечто дивное найдёшь.
А не найдёшь, продлишь канун.
Лишь важно, чтоб она мелькала
И чтоб душа твоя алкала,
Как алчет счастья тот, кто юн.

* * *

Бабуля хворости мои
Бралась лечить печёным луком.
Хотя и верила наукам,
Любила методы свои.
Лечила всё: отит, мастит,
Из средств не делала секрета,
Её за самозванство это
Наука, думаю, простит.
Бабуля на моей груди
Скрепляла шарф большой булавкой,
Поила на ночь сонной травкой,
Твердила: «Грудь не застуди».
Мне помогли не помогли
Её труды — не помню что-то,
Но неотступные заботы
Мне точно на сердце легли.
А нынче жизнь — сплошной недуг.
О, как сегодня нас мотает!
О, как мне нынче не хватает
Её родных и тёплых рук!

* * *

Что творится в чистом поле
Белоснежного листа?
Мало счастья, много боли —
Уж такие здесь места.
Я спешу, тревогу пряча,
Чисто поле перейти.
Пожелайте мне удачи
На немыслимом пути.

* * *

Как же мне не быть счастливой?
У меня же ум пытливый.
Я сегодня познаю,
Как живётся на краю,
Как живут на самой кромке
Те, чьи кости очень ломки,
У кого силёнок ноль,
Кто терпеть не может боль.
Познаю весьма активно
Жизнь, что так бесперспективна.

* * *

Дорогие мои, можно я вам поплачусь?
Я живу на земле и от жизни не прячусь.
Но так трудно мне стало её выносить,
Что хочу я о помощи вас попросить.
Вы так много всего на земле пережили,
Что давно безмятежный покой заслужили.
Ну а я вам покоя опять не даю,
Выливая на вас всю тревогу свою.
Ну а как же мне быть, если мир мой кренится,
Если день, чуть забрезживший, к ночи стремится
И кругом никого, кто взрослее меня.
Я один на один с одичалостью дня
И, не видя дороги, блуждаю в трёх соснах,
И беспомощна я, как ребёнок без взрослых,
Как ребёнок, что маму за ручку держал
И совсем не заметил, как пальцы разжал.

* * *

Одомашнились слова:
«Перестрелка», «взрыв», «бомбёжка»
И звучат почти как «кошка»,
Как «дорожка» и «трава».
Чтобы дом свой утеплить,
Надо, двух налётов между,
Поселить в душе надежду,
Чтобы как-нибудь продлить
Эту жизнь, где дни подряд
За окном не снег искрится
И летит не лист, не птица,
А убийственный снаряд.

* * *

Жизнь встречала войной, и войной провожает,
И меня, как любовью, войной окружает.
Помещает меж точек своих огневых,
Оставляя меня почему-то в живых,
Не давая забыть о воздушной тревоге,
И о том, как прожектор светил по дороге,
И о том, как играла я с этим лучом
В раннем детстве, когда и война нипочём.

* * *

Но побеждает — нет, не скрежет, —
А звук, который ухо нежит.
И побеждает — нет, не вой, —
Беседа дождика с травой.
И побеждает не бряцанье,
А речки тихое мерцанье.
Не дикий рёв, не рык, не ор,
А певчих птиц рассветный хор.
Не чернь, погрязшая в обидах,
А чей-то тихий вдох и выдох.

* * *

Когда-то было так легко:
Проснулась — и живу на свете,
Как просинь, облако и ветер,
Мир цел, и видно далеко.
Я жизнь посильную вела,
С утра до ночи с ней справлялась
И маму, что во сне являлась,
В слезах на помощь не звала.

* * *

Хочу вернуться восвояси,
А восвояси — где-то в часе
Езды от нынешних широт.
Там жил когда-то мальчик Вася,
И я ему смотрела в рот,
Когда ребячьей нашей стайке
Травил он всяческие байки
И вытирал сопливый нос
Концом застиранной фуфайки,
Которую носил в мороз.
Со мной никто не знал мороки:
Я быстро делала уроки,
Гуляла долго во дворе,
С подружкой Галкой синеокой
Каталась с горки в январе.
И я была совсем счастливой.
И Васька тощий и сопливый,
И байки глупые его,
И пёс дворовый шелудивый —
Осколки счастья моего.

* * *

А ежели жить всё трудней и трудней
На почве, которая прочих родней,
То нам остаётся тихонько купиться
На свет, на который весна не скупится,
На все излияния птичьей души,
Что могут родиться в рассветной тиши.

* * *

У мальчика беда: кота с собой не взяли.
Остался кот сидеть на старом одеяле.
Хоть обещал сосед заботиться о нём,
Без друга малышу тоскливей с каждым днём.
И каждый божий день он другу шлёт открытки,
Где небо — через край и солнышко — в избытке,
И верит, что к коту открытки попадут
И что кота они по адресу найдут.
Не ведает малыш о пулях и о минах,
О том, что дом его давно лежит в руинах.

* * *

Малыш дотронулся до клавиш —
Родился звук.
Ну как ты, мальчик, руку ставишь?
Не пальчик — крюк.
Ты ставишь руку неумело.
Да ты не жми.
Ты постарайся, чтобы пело
И ля, и ми.
Играть — не пальцев копошенье,
А вздох в тиши
И к мирозданью отношенье
Твоей души.

* * *

А дятел строчит и строчит по старинке
Свой простенький стих на печатной машинке.
Строчит деловито строку за строкой,
Не то нарушая рассветный покой,
Не то этот самый покой создавая
И всем нам прекрасный пример подавая,
Как, не покладая ни крыльев, ни рук,
Творить и творить ритмизованный звук.

* * *

Наутро я проснулась снова,
И снова я не жду дурного,
И снова я не жду беды…
Поют скворцы на все лады,
И я готова песню эту
Принять за чистую монету,
Поверив вешнему певцу,
Что жизнь мне впору и к лицу
И что она неистребима…
Что делать? Я неисправима.

* * *

А вариант «не верьте чуду»
Я и рассматривать не буду.
Зачем мне на исходе лет
Вдруг узнавать, что чуда нет?
Что значит — нет? А жизнь вот эта —
Чередованье тьмы и света?
Снежинки возле фонаря
И заалевшая заря?
Родная торная дорожка,
Ребёнка тёплая ладошка
И самый факт, что мы с тобой
Одной повязаны судьбой.

2 февраля 2023

* * *

Столько музыки красивой
Появилось за века:
Ветер шепчется с осиной,
И, журча, течёт река.
Ни единой ноты лишней —
Дрозд щебечет, лист шуршит.
Я надеюсь, нас Всевышний
Этих звуков не лишит.
Ведь ему же нужен некто,
Кто способен оценить
Красоту его проекта
И способность осенить
Нас, живущих в мире где-то,
Чтоб, под музыку сию,
Мы из воздуха и света
Ткали музыку свою.

* * *

А нынче утром — вот дела! —
Вдруг что-то вешнее проклюнулось.
И я вдруг ясно поняла,
Зачем сюда однажды сунулась,
Зачем дорожки здесь топчу.
Вдруг поняла с особой ясностью,
Зачем торчу здесь и торчу
Я на виду у всех опасностей.
Вот ради этого едва,
Едва заметного, незримого,
Не превращённого в слова,
Живого и неуловимого.

* * *

Живу, как будто почва есть,
Хоть почвы нету под ногами.
Есть только призрачная весть
О вешнем дне и птичьем гаме.
И я навстречу ей иду,
Хоть ногу не на что поставить.
Попытки с миром жить в ладу
Придётся, видимо, оставить.
И с тем, что тает сил запас,
Придётся, видимо, смириться,
И если что-то держит нас,
На «что-то» надо бы молиться.

* * *

Поскольку может всех касаться
Вопрос, как быть и чем спасаться,
Спешу подробно рассказать,
Где могут помощь оказать:
Идти двором, нырнуть под арку,
Пройти тропинкой к лесопарку.
Придя туда в начале дня,
Сослаться сразу на меня.
Туда и так легко пускают,
Но коль сошлётесь, обласкают,
И в гущу леса поместят,
И звонкой трелью угостят
И каплей Божьей благодати,
И полегчает в результате.

* * *

Так проснуться боюсь, так боюсь возвратиться
К той беде, что последнее время творится.
Я бы рада вернуться к рассвету, к лучу,
А к беде возвращаться совсем не хочу.
Не хочу возвращаться к взбесившейся яви,
Что способна, явившись в небесной оправе,
Продолжать свои чёрные делать дела,
Раня хрупкие души, калеча тела.

* * *

Не достучаться я хочу, а попытаться
Хоть до кого-нибудь однажды дошептаться,
Хоть до кого-нибудь мыслишку донести,
Как живу душу от отчаянья спасти.
Ах, не подумайте, что я и впрямь спасатель.
Я просто скромный ненавязчивый писатель,
Но я с отчаяньем отчаянно борюсь
И потому охотно с ближними делюсь.
Мне помогает незатейливое средство —
С весенней рощицей удачное соседство.
Там жизнь, которая лишь теплилась пока,
Сегодня-завтра забурлит наверняка,
И лес наполнится счастливыми вестями,
И вешний воздух можно будет есть горстями.

* * *

Мне жить бы немо, точно рыба,
Чтоб ни гу-гу,
Но не сказать весне спасибо
Я не могу.
И если ночь уходит, тая,
Впустив зарю,
Заре «С приходом, золотая»
Я говорю.
И, жертва радостного пыла,
За краткий срок
Я, вдохновясь, наговорила
Десятки строк.

* * *

Шла на праздник — попала в беду,
Хоть беду ненавидела люто.
Кардинальная смена маршрута,
К сожалению, нынче в ходу.
До чего переменчивый путь:
Шла на горку, попала в низину.
Тем не менее лямку, резину,
Срок земной продолжаю тянуть,
Потому что, ты видишь? Вон там
Что-то светится, манит, маячит,
И слезами счастливыми плачет,
И сквозь слёз улыбается нам.

* * *

Мы здесь, чтоб небом любоваться,
А не от горя убиваться.
Мы здесь, чтоб ближних повидать,
А не над трупами рыдать…
Горит земля, летают пули.
Во что нас, Господи, втянули?
Звучит как горестное SOS
Повисший в воздухе вопрос.

* * *

Весь день ловлю себя на слове —
То на одном, то на другом.
Слова лежат всего в основе,
Летают в воздухе сыром.
Без слова друга не окликнешь,
На помощь вряд ли позовёшь
И в суть явлений не проникнешь…
Да и вообще не проживёшь.
Весь день слова перебираю,
По временам теряя нить,
И слово «тяжесть» убираю,
Чтоб словом «нежность» заменить.

* * *

Не зря я время провела,
Я много ценного узнала
Про ту планету, где жила,
Куда я дуриком попала.
Одних спросила, что сбылось,
Других спросила, как мечталось,
Спросила полночь, как спалось,
Спросила утро, как леталось.
И с каждым я начистоту
Наедине поговорила
Про эту странную тщету,
К которой жизнь приговорила.

* * *

А день, что был родным, домашним,
Столь нужным мне,
Вдруг оказался днём вчерашним
И пал в цене.
А как он, Боже, заливался,
Как звонко пел,
Каким огнём он загорался —
И вдруг истлел.
Ну что ж, такие здесь порядки,
Такой здесь «рай»:
Летишь куда-то без оглядки,
Вдруг видишь — край.
И здешний мир, такой знакомый,
Такой жилой,
Вдруг оказался невесомой
Печной золой.

* * *

Ищу такую благодать,
Где можно время переждать —
То обезумевшее время,
Где человечье гибнет племя.
Ищу, куда бы мне нырнуть,
В какой проулочек свернуть,
Как затаиться так умело,
Чтоб время мимо пролетело.

* * *

Ребёнок маленький, а мама молодая.
Гляжу на снимок, что за времечко, гадая.
Одёжки лёгкие. Наверное, тепло.
И всё рифмуется с глаголом «истекло».
А впрочем, что мне до какой-то даты точной?
Да будет жизнь и полноводной, и проточной,
И пусть течёт она, течёт себе, течёт,
Земным мгновениям легко теряя счёт.

* * *

Живу лишь Божьими дарами,
Смотрю на небо вечерами,
Утрами сплю под птичий гам,
И лето, что не за горами,
Неровным светом светит нам.
Какое счастье быть поэтом
И находить зимой и летом
Возможность верить чудесам,
И непроверенным приметам,
И звонким птичьим голосам —
Тем, что без всякого шаманства,
Воздушным завладев пространством,
Поют «The show goes on»,
И я с завидным постоянством
Ведусь на этот перезвон.

* * *

Дышу, шуршу, пишу любимые глаголы…
Мне делает весна болючие уколы
Веселья и тоски в неясной дозировке,
И требует укол терпенья и сноровки,
И горькую тоску смывают счастья слёзы…
Весна мне вводит в кровь таинственные дозы
Надежды и любви, отчаянья и веры,
Теряя иногда простое чувство меры.

* * *

Когда в ночную тьму ныряю,
Я время даром не теряю —
С собой в постель привыкла брать
Большую общую тетрадь,
В которой ночью криво-косо
Пишу Творцу два-три вопроса:
Мол, как же так? И почему?
Другие мне не по уму.
Творец на них не отвечает,
А просто птичкой помечает,
Которая всегда в ответ
Поёт: «Проснулась. Всем привет!»

* * *

Я стихов не пишу. Просто годы листаю,
Просто слушаю дней улетающих стаю,
Просто слышу беды нарастающий гул,
Просто вижу страстей безрассудных разгул,
Просто слушаю ропот житейской мороки.
Вдруг смотрю — на листе появляются строки,
И любая возникшая чудом строка —
Лишь о том, чем мне горькая жизнь дорога.

* * *

Дни бегут, года летают,
Потихоньку силы тают,
И хватает их едва
Лишь на то, чтоб те слова,
Что ко мне без ясной цели
Поутру в окно влетели,
Как-то так расположить,
Чтоб хотелось дальше жить.

* * *

Он приходил к нам на кружок
По четвергам с портфелем старым,
Читал стихи с душевным жаром,
Но всё ж, увы, сердца не жёг.
И шёл стихов огромный вал,
Он доставал их из портфеля,
В сердца читательские целя,
Мечтал сразить их наповал.
Он приходил и обводил
Всех беспощадно-цепким взглядом,
Потом садился с кем-то рядом
И грудой строчек изводил.
Ходил, ходил, потом исчез,
И мы вздохнули с облегченьем:
Мол, спасены, конец мученьям,
И вдруг нам стало грустно без
Нелепых, бедных, жарких строк,
Без надоевшего фальцета,
Без постаревшего поэта,
Что душу выразить не смог.

* * *

Ну что ж? Потопчемся на месте
В конце петлистого пути,
И коль топтаться будем вместе,
То лучше места не найти.
Какая дивная заминка,
И как бессмысленно спешить,
Когда и мелкая тропинка
Мечтает травку распушить,
Чтоб хоть чуть-чуть покрасоваться
Среди земного бытия,
Средь тех, кто дышит, затесаться,
Шурша: «И я, и я, и я».

* * *

Я на всё бросаю взгляд
Тихий, умоляющий…
О, как нужен препарат
Болеутоляющий.
О, какие времена
Горькие, кромешные.
О, как хочется слова
Услыхать утешные —
Что-то вроде «Всё пройдёт,
Всё пройдёт и минется.
Ангел твой тебя найдёт
И в объятья кинется».

* * *

И день и ночь война, война…
О, Боже, как неосторожно,
И безнадёжно, и тревожно
Жить там, где жизни грош цена,
Где за бедой идёт беда
И горсть земли стучит по крышке,
И лишь надежды горькой вспышки
Всё освещают иногда.

* * *

Кто рано встал, имеет шанс
Попасть на утренний сеанс
Творенья мира,
Когда Господь впадает в транс
И «майна-вира»
Звучит с рассвета там и сям,
И всё на свете по нулям,
И всё в зачатке:
Ни горних высей и ни ям,
Лишь мостик шаткий,
Который в воздухе повис.
И коль смотреть не будешь вниз,
Услышишь слово,
Не слово даже — лёгкий бриз:
«Ну всё. Готово».

* * *

Какая-то жизнь за окном копошится.
Прекрасно. Должно же кому-нибудь житься.
Должно же кому-то свободно дышаться.
Должны же хоть чьи-то проблемы решаться.
Трепещут какие-то крылышки в кроне,
Идёт чья-то жизнь на лазоревом фоне,
Идёт, и течёт и, как воздух, струится,
Шуршит, шелестит, ничего не боится.

* * *

Не хочу я новой боли,
Пусть легко летают дни.
Перейти бы чисто поле
Там, где лютики одни
Золотятся и, похоже,
Удивляются всему.
Мне вот тоже, мне вот тоже
Эта жизнь не по уму.
Я вот тоже жду ответа,
Глядя целый день вокруг:
Мол, откуда столько света
И откуда столько мук.

* * *

Приходи в этот мир со своей тишиной,
Со своей глубиной и своим саундтреком,
Со своим на губах сохранившимся млеком,
Со своим невесомым крылом за спиной.
Приходи в этот мир со своим багажом,
Со своим куражом и цветными мелками
И рисуй это небо с его облаками,
Этот полдень июньский с его миражом.

* * *

Начало дня. На сцене двое.
Плюс сад, плюс небо заревое,
Плюс роскошь птичьего пера.
Поэт сказал, что жизнь игра.
Но чтобы в путь земной пуститься,
Мне не хватает репетиций,
И я должна свой каждый миг
Суметь прожить на чистовик.
И никакой повторной читки,
И никакой второй попытки,
И сходу: зал, юпитера́
И с жизнью страшная игра.

* * *

Потихоньку иду от сирени к жасмину.
И пока не дойду, знаю точно — не сгину.
Никакие преграды на этом пути
Помешать мне не могут до цели дойти,
Помешать мне не могут добраться до цели
Сквозь июньские дни, что прозрачней купели.
…А потом расцветут золотые шары…
Я всё лето хожу, собираю дары.
Мимо них пролететь, их в упор не увидеть —
Всё равно что Всевышнего сильно обидеть.
А ведь это, возможно, единственный путь,
Где понятна задача и явственна суть.

* * *

В краю, где я душой и телом,
Сегодня каждый занят делом:
Сирень под окнами цветёт,
А вешний ветер сор метёт,
А птичка гнёздышко свивает,
А кто-то ходит, убивает,
А я весь день хожу, молюсь,
Поскольку за родных боюсь.
Ведь здесь проблемы как решают —
Берут и воздуха лишают.
И ни сирени, ни птенца,
А лишь предчувствие конца.

* * *

Пытаюсь войти в свою прежнюю роль,
А мне сообщают: «Введите пароль».
«Да я здесь живу». Отвечают: «Живите,
Но только пароль для начала введите».
«Но я здесь с рожденья, с рожденья живу.
Хотите, я все адреса назову?»
«Не надо, не надо, здесь всё обновилось.
Пока ты спала, всё твоё обнулилось
И всё превратилось в сияющий ноль,
И чтобы продолжить, введите пароль».

* * *

О, как меня мотает от
«Всё хорошо» до «Всё напрасно».
Который день, который год
Живу я там, где жить опасно, —
Живу на старенькой земле,
Где под ногами всё крошится,
Где ничего не стоит мне
Всего, что дорого, лишиться.
Где жить — такой огромный труд,
Что остаётся верить в чудо:
Что скоро взрослые придут
И заберут меня отсюда.

* * *

Умирать — так с музыкой,
Приходить — так с песней.
Ничего нет правильней,
Ничего уместней.
Надо, чтобы музыка
С самого начала
Трогала и мучила
И конец венчала.
Чтоб бурлила, пенилась
И не прекращалась,
Чтобы боль сердечная
В песню превращалась,
Чтоб звучала песенка
И свежо, и ново,
Не давая выкинуть
Из неё ни слова.

* * *

Хочу сказать про свет в окне
И про росистые дорожки,
Но вспоминаю: мир в огне
И люди гибнут при бомбёжке.
Хочу сказать про тишину
И неба летнего бездонность,
Но вспоминаю про войну
И сиротливость и бездомность.
Хочу сказать, что сад, шурша
И шелестя, под утро ожил,
Но в новостях — про малыша,
Который до утра не дожил.

* * *

Малыш, закрыв глаза ладошкой,
И впрямь поверил, что пропал,
Что невидимкой тотчас стал
Весь целиком и даже с кошкой.
«Тю-тю», — все ищут малыша,
«Тю-тю»… О, сказочное детство!
Какое простенькое средство
Исчезнуть ведает душа.
И мне бы так: закрыть глаза
Неуязвимою ладошкой,
О мире, что грозит бобошкой,
Не знать, не ведать ни аза.

* * *

Я с жизнью говорю на языке одном,
На языке родном, на горестном, на русском.
Сейчас, на склоне лет, перед печальным спуском,
Так трудно говорить на языке ином.
Я спрашиваю жизнь: «Поведай, как мне быть?»
И отвечает жизнь: «Мы эту тему бросим.
Ты лучше посмотри, какая всюду осень,
Как держит паучка серебряная нить».

* * *

В облюбованном местечке
Тихо сесть, открыть тетрадь
И начать плясать от печки.
От чего ещё плясать?
По невинному листочку
Вьётся первая строка,
Что терпеть не может точку,
Потому что жизнь — река.
И, закинув в речку сети,
Получаем вновь улов,
Потому что нет на свете
Никаких последних слов.

* * *

В мире есть угрозы, слёзы,
А ещё есть Шуман — «Грёзы».
Может, есть, а может, нет.
Может, это просто свет,
Просто ветра дуновенье,
Просто редкое мгновенье,
Что на небе родилось
И на землю пролилось,
Став за время перелёта
Осязаемым, как нота, —
Тем, что можно удержать,
Если клавишу нажать.

* * *

Я обожаю общие слова:
Любовь, дорога, счастье, всё такое.
И хоть они мне не дают покоя,
Я только ими, кажется, жива.
Я из-за них, случается, не сплю,
Я их всегда с волнением встречаю,
Когда их нет, отчаянно скучаю,
Поскольку их без памяти люблю.
Хотите знать, что общего у нас?
Что общего сегодня между нами?
Мы пользуемся общими словами,
Чей не скудеет золотой запас.

Израиль. 7 октября 2023 года

О, Господи, куда податься,
Чтоб на глаза не попадаться
Бандиту, зверю, упырю.
Встречаю страшную зарю,
Кровавую зарю встречаю,
Иду, пути не различаю,
Иду, хоть некуда идти.
Сплошные трупы на пути.
Иду, не знаю, где приткнуться,
Как дальше быть и как проснуться.

Москва. Март 1953 года

В пятьдесят нечастном третьем
Плохо было в школе детям,
Плохо было в школе нам —
Затесавшимся жидам.
От меня отгородились,
Даже рядом не садились,
И совсем не шёл мне впрок
Географии урок.
Я была одна за партой,
А весь класс следил за картой,
А на карте Израи́ль —
Людоед, агрессор, гниль, —
По словам географички,
Изучившей методички.
И, молчание храня,
Все взглянули на меня
То ли с радостью особой,
То ли с некой лютой злобой.
Я была одна в ряду
В том немыслимом году —
В том году недобром, хмуром.
Так и помню взгляд с прищуром,
Под которым груз несём,
Виноватые во всём.

* * *

Мой сынок лет пяти, когда был новичком,
Был весьма увлечён дождевым червячком.
Червячка разделил он на две половинки
И, увидев в нём капельки красной кровинки,
Вдруг ударился в слёзы, поскольку решил,
Что он тварь эту бедную жизни лишил.
«Погляди, он шевелится», — я говорила,
Утешала, старалась, надежду дарила,
Предлагала спокойно его отпустить,
Но не мог себе бедный страдалец простить,
Что он взял и убил червячка дождевого,
Дождевого, не злого, такого живого.
И не ведал малыш, что окрестный мирок
Преподал ему нынче свой первый урок.

* * *

В. А. Мануйлову

В шестидесятом в Коктебеле
Два вяхиря прилежно пели.
А впрочем, вяхирь не поёт —
Он просто голос подаёт.
Он не поёт и не воркует,
Но от него душа ликует,
Во всяком случае моя,
В те залетевшая края.
О, как я мучилась, страдала,
О, как я по ночам рыдала,
О, как я силилась понять,
Что в этой жизни предпринять,
И для чего меня родили
И к этой жизни пригвоздили, —
Так говорила я с собой,
Негромкий слушая прибой.
И подошёл ко мне кудесник,
Небес высоких добрый вестник,
И, изучив мою ладонь,
Сказал: «Смотри не проворонь
Свой дар. Ведь ты имеешь тягу
Класть свои мысли на бумагу».
То были давние года,
Летали вяхири тогда,
И были эти чудо-птицы
Моих терзаний очевидцы.
Их голос и сейчас родней
Иных рулад текущих дней.

* * *

Сквозь тьму ночную прорвалась
И поняла, что жизнь сбылась
И что моя с рассветом встреча
Ура — опять не сорвалась.
И неужели злая мгла
Меня затем лишь сберегла,
Чтоб эта сбивчивая строчка
На лист нетронутый легла?

* * *

Жила, жила и спохватилась,
Что даль давненько не светилась,
Что тьма не хочет отступать,
Что надо к делу приступать.
А дело — добывать прилюдно
Какой-то свет, что крайне трудно
И чёрной магии сродни.
И трачу считаные дни
С упорством тихого маньяка
На то, чтоб свет добыть из мрака.

* * *

Откуда всё это взялось?
Как эта тяжесть накопилась?
Ведь я жила, не торопилась,
Жила, покуда мне жилось.
Откуда все эти года,
Что неподъёмны, как вериги?
Ведь были только миги, миги,
Летучих мигов череда:
Миг ожиданья, миг тоски,
Миг вдохновенья, миг печали
И белый день, когда вначале
На синем алые мазки.

* * *

Что мы празднуем? Бомбы летят,
И живые живых убивают,
И число их, увы, убывает,
Хоть они умирать не хотят.

Новый год на дворе, Новый год…
Человеки — не взвод и не рота,
Человеки — о детях забота
И за старенькой мамой уход.

* * *

Слова всё те же ключевые:
Надежда, вера, свет, душа.
Сии потоки речевые
Плывут, повторами греша.
Плывут бесчисленные строки,
Тасуя «вера», «счастье», «свет»,
Они плывут в одном потоке,
Как будто слов новее нет.
А кто-то с берега кивает
И машет. Мол, сюда, сюда:
У нас надежда иссякает,
Со светлым будущим беда.

* * *

Говорят, что будет хуже,
Будет горестней беда.
Я лишь знаю — будут лужи,
Будет талая вода.
Говорят, проснётся лихо
Этой гибельной весной.
Я лишь знаю — будет выход
Потаённый, запасной.
Будет щель, куда заглянет
Ослепительная высь,
Луч спасительный протянет
И скомандует: «Держись!»

* * *

Кричи же, младенец, кричи, коль родился,
Явился из мрака и жить подрядился.
Кричи же, малыш, ты теперь на виду,
Себе ли на счастье, себе на беду.
Кричи же, малыш, напрягай свои связки.
Ты всё уже понял без всякой подсказки.
Едва ты лишился родного тепла,
Как неотвратимая жизнь потекла,
И время — жестокий и хитрый налётчик —
Тебя, как и прочих, поставит на счётчик.

* * *

Я никак не пойму, мне ещё интересно,
Что грядущее есть и оно неизвестно?
Мне ещё интересно вставать поутру
И смотреть, как осина дрожит на ветру?
Мне ещё интересно, что дни мои длятся,
Или чувствую я, что пора закругляться?
Или мне — я же в области бодрости спец —
Надо срочно придумать счастливый конец?

* * *

К лучам, присущим поднебесью,
Создатель горечь подмешал,
Чтоб каждый смертный этой смесью
Неукоснительно дышал,
Чтоб, горечь сладкую глотая,
Вполне присущую весне,
Он жил, по воздуху летая,
Как дети малые во сне.
И чтоб, явившийся из нетей,
Из ночи, из небытия,
Шептал: «Я тоже есть на свете.
Ты видишь, Боже? Это я».

* * *

Казалось мне, что дни летели,
А дни ползли на самом деле.
Однако возле слова «явь»
Знак вопросительный поставь,
Поскольку, как «на деле», «въяве»,
Мы даже и судить не вправе.
И миги шепчутся, снуя,
Что явь у каждого своя.

* * *

Средь повседневной чепухи
Ютилось нечто так незримо,
Что я весь день ходила мимо
И вдруг споткнулась: «Ой, стихи».
Нашарив первую строку,
Легко нашарила вторую —
Живую, вешнюю, сырую,
В весеннем сладостном соку.

* * *

Как просто разделаться с бедными нами.
Для этого даже не нужно цунами.
Вот лопнет какой-нибудь мелкий сосуд,
И всё, и с концами. Тебя не спасут.
Вот лопнет сосудик, и всё, до свиданья.
А ты говоришь: «Небеса, мирозданье».
А ты в эмпиреях каких-то паришь,
О чём-то бессмертном умно говоришь.
И правильно делаешь. Что нам за дело
До края, границы, черты и предела?

* * *

Но если всё лишь дело случая,
Вопрос удачи, ловких рук,
То я напрасно Бога мучаю,
Ему и так хватает мук.
Он сам не знает, как с ней справиться —
С планетой дикой и большой.
Ему в ней многое не нравится,
Но Он творил её с душой.
Она была Его прозрение,
Короткий миг счастливых слёз,
Теперь она — вопрос везения,
Слепой случайности вопрос.

* * *

Никто нас сверху не курирует,
Не продвигает, не гнобит,
А просто ветер так курсирует,
Что от него слегка знобит.
И наша боль — ничьи не происки,
А лишь неровности пути.
И наш удел — слепые поиски
Того, что хочется найти.
То вспышка дня, то затухание —
Таков привычный наш удел.
И вдруг — чуть слышное дыхание
И шёпот: «Ангел пролетел».

* * *

Сказать, как я лечусь от боли?
С утра гуляю в чистом поле
Большого белого листа
И на странице, что пуста,
Пишу слова: «Доколь? Доколе?»
И коль от боли не умру,
Я эти вздохи уберу,
Оставлю лишь строку про счастье
Быть частью бытия, быть частью
Всего, что дышит поутру.

* * *

Весенний щебет за окном,
И стало жить немного проще,
Хотя надежды наши тощи
И явь земная кверху дном.
И этот щебет — лишь канун,
Канун пугливого начала.
Пространство музыку зачало
Для струн души, тончайших струн.
При свете зыбкого огня
Живём на этой зыбкой тверди,
Надеясь лишь на милосердье
Непредсказуемого дня.

* * *

Я здешних мест старинный житель,
Я безутешный утешитель,
Я плачу светлою слезой,
Дружу с небесной бирюзой
И верный мелоса ценитель.
Летают трели налегке,
И больше пальцев на руке,
Чем светлых дней. Но тот, что светит,
Лучом небесным путь мой метит,
Поскольку с ним накоротке.

* * *

Мир в весеннем свете тонет,
Светом штопает дыру…
Если птица трель обронит,
Я охотно подберу.
Заживу я, подпевая
Тем, кто песней дорожит,
Там, где музыка живая
В узком горлышке дрожит.
Подпевая каждой трели,
Что звучит вблизи, вдали…
Может, ради этой цели
Нас на свете завели.

* * *

Счастливый день грачей, проталин.
Он так наивен и банален,
Так простодушен, юн и свеж,
Полна небес любая брешь.
И хоть в лесу покуда голо,
Но птичий хор и птичье соло
Сегодня превзошли себя.
Я тоже, музыку любя,
Упорно мелос насаждаю
И чьё-то ухо услаждаю,
Покуда водит с куражом
Судьба по стёклышку ножом,
Рождая ненавистный скрежет,
Что душу рвёт и ухо режет.

* * *

Ах, весна, я люблю твои нежные цацки,
Я люблю твой характер шальной и дурацкий.
Я, наверно, недаром весной родилась
И в поэты в какой-то момент подалась,
Потому что любой очарованный светом,
Он не может не стать вдохновенным поэтом.
Даже тот, кто стихов не кропает давно,
С первых звуков весенних поэт всё равно.
Птицы звонко поют, даль рассветная манит,
А поэт всё не спит, всё сидит графоманит.

* * *

Почему-то нам внушили,
Строгим пальчиком грозя,
Что мы слишком долго жили,
Что так долго жить нельзя.
Приводили нам примеры,
Из которых всем видать,
Что обычным чувством меры
Надо всё же обладать.
И негоже, и негоже
Не считаться с грузом лет…
Что же это, Боже, Боже!
Да ведь мне и года нет.
Хоть страдаю от одышки,
Всё равно я карапуз
И читаю только книжки
С маркировкой «Годик плюс».

* * *

Все куда-то бегут, ну а я не бегу.
Не бегу, потому что бежать не могу.
Все куда-то бегут, слыша грома раскаты.
Я бежавшего мимо спросила: «Куда ты?»
«Я не знаю, — сказал он, по склону скользя, —
Я не знаю. Но здесь оставаться нельзя».
Ну а как же нам быть — и не юным, и хворым?
Он кричит издалёка: «Сидите по норам».
Я тогда поняла: мы остались одни,
И у нас впереди только чёрные дни,
И никто не спасёт, и никто не поможет
И большую ладонь на плечо не положит.
Вдруг смотрю — тихий ангел меж нами встаёт
И крыло своё белое нам подаёт.
То ли чтобы прикрыть нас своими крылами,
То ли чтоб улететь со спасёнными нами.

* * *

Леночке Колат

Добрый друг мой, давай созвонимся.
Если хочешь, давай повинимся —
Кто кому не звонил со среды.
Только просьба: не надо беды.
Мир и так на глазах накренился.
Раз уж дни продолжают мелькать,
Так не будем и мы умолкать.
И да будет не автоответчик,
А живой и родной человечек
Дорогих и родных окликать.

* * *

19 марта умерла
художник Лена Колат

Мы нынче с тобой говорили всю ночь.
Всю ночь твой печальный уход обсуждали,
И как будем жить друг без друга, гадали,
И ты сокрушалась: «Ну чем тут помочь?»
А я говорила: «Ведь только с тобой
Могла я уходом твоим поделиться».
А ты обещала, что будешь мне сниться
И будем беседовать наперебой.

* * *

Как другу звонить? Ну подумайте сами.
А может быть, он говорит с небесами.
А может быть, он совершает полёт,
Который звонок беспардонно прервёт.
А может, ему что-то дивное снится,
А может, ему третьи сутки не спится
И он обессилел и падает с ног,
И только приляжет, раздастся звонок…
А может быть, этот звонок неуместный
Ему драгоценнее манны небесной.

* * *

— Ты как? — мой друг меня спросил.
— Да так, — отвечу, — нету сил,
Которых лишь на то хватает,
Чтоб убедиться, что светает,
И на заливистый привет
Шесть лёгких строк послать в ответ.

* * *

А мне-то казалось, что было — прошло,
Что мы появились в удачное время,
Что жизнь — не война, не разруха, не бремя,
И зря мне казалось: нас лихо нашло.
Нашло и не думает нас отпускать.
Нашло и шурует, шурует, шурует,
И радость, и кровлю, и близких ворует,
Которых не знаем, где нынче искать.

* * *

Хоть не грянула беда,
Но бедою всё чревато:
Даже талая вода,
Даже облачная вата,
Даже радостный припёк,
Что вот-вот растопит льдинку,
Даже солнечный денёк,
Что нас губит под сурдинку.

* * *

А в родительский день нам повидло давали
И в казённые платьица нас одевали.
Был линялым узор, неуклюжим фасон,
Но зато отменялся полуденный сон.
Вот и мама мелькнула за жидкой оградой.
Был родительский день за разлуку наградой,
За разлуку с Полянкой и с мамой моей
На несчётное множество горестных дней.
И великая в этом была справедливость.
Разве я бы решилась отдаться на милость
Неизвестного мига, грядущего дня,
Если б он не умел осчастливить меня,
Подарив шоколадки весёлую плитку
И возможность на время сбежать за калитку,
Мою лёгкую маму за ручку держа,
От восторга и счастья всем телом дрожа?

* * *

Сказать, на что я время трачу?
На то, что постоянно прячу,
Усердно прячу от него
Кусочки мира своего.
А время знай себе летает
И что ни попадя хватает,
Легко хватает, что ему
Ну совершенно ни к чему.
Легко хватает и уносит,
А налетается — и бросит,
Чтоб устремиться налегке
К тому, что светит вдалеке.

* * *

— А это кто на старом фото?
— Не знаю. Позабытый кто-то.
— А кто это в шестом ряду?
— Мой папа в канувшем году.
— А кто вот это? Стёрлась дата.
— Мой близкий друг, что жил когда-то.
— А это что?
— Да просто блик,
Волшебно вспыхнувший на миг.

* * *

Поменяли реквизит.
Ткань весенняя сквозит.
В каждой щёлочке — по небу
Всем живущим на потребу.
В каждой бреши — по лучу,
Каждой тайне — по ключу.
Жизнь идёт на светлом фоне,
Размешав в одном флаконе
Нежность, горечь, мёд и соль,
Трель, врачующую боль.

* * *

Ну признайся, скворец переливчатый, ты ведь
Появился на свет, чтоб меня осчастливить?
Ну признайтесь, вишнёвых кустов лепестки,
Вы хотите меня уберечь от тоски?
Светлый луч, ты пришёл, чтоб меня обнадёжить
И остатние силы мои приумножить?
Ну а я, чтоб случайно вас не подвести,
Через силу стараюсь улыбкой цвести.

* * *

А как живётся? Так живётся,
Как будто нить вот-вот порвётся,
Что за процессы отвечает
И кровь без устали качает.
И бедный дух тоскует люто,
И остаётся лишь минута
На то, чтоб как-то всё уладить,
Тоску унять, беду отвадить.

* * *

Меня бабуличка учила яичко не переварить.
Меня бабуличка учила спасибо людям говорить.
Меня бабуличка учила гордиться городом, страной,
Ненарушаемой границей,
кремлёвской зубчатой стеной.
Она привила мне привычку
стишок утрами повторять —
Мол, у москвички две косички,
а у таджички двадцать пять.
И я послушно ей внимала
в час наставительных бесед.
Лишь одного не понимала — куда девался наш сосед,
Такой весёлый, деликатный,
который раненых спасал,
Который буковкой печатной
мне письма добрые писал.

* * *

Летает птичка, не боится,
Щебечет летом и весной,
А я ищу, куда б забиться,
Я — жертва ленты новостной.
Я тщусь понять, как быть на свете
И в то же время — как не быть
На обезумевшей планете,
Где свет так трудно раздобыть.
Как не попасть под шестерёнки,
Как под колёса не попасть,
Как пережить, собрав силёнки,
Сию великую напасть.

* * *

Вопросы есть? Вопросы есть,
Но на вопросы нет ответа.
Зато есть смена тьмы и света
И жизнь, крылатая, как весть.
Как весть, которая летит,
Но никогда не долетает.
И коль в пространстве не растает,
То пулей мимо просвистит.

* * *

Молоточки и клавиши, клавиши, струны.
Скажешь: «О, как стары!» И добавишь: «Как юны!»
Даже ради того, чтобы к ним прикоснуться
И заставить звучать, стоит утром проснуться.
Звук, рождённый тобой, в тишине растворится.
Коль проснулся, смотри, что на свете творится:
Всё звучит, даже тишь, даже звук нерождённый,
Лепесток, сильным ливнем к земле пригвождённый.

* * *

А чтобы жить, нужна отвага,
А у меня отваги нет,
А есть какой-то слабый свет,
И даже он — большое благо.
Не то струится он извне,
Не то он теплится во мне.

* * *

И кончается день, и кончается ночь,
И почти пролетело любимое лето.
Смысла нет хоть на что-то накладывать вето,
Потому что и так всё уносится прочь.
Перед дальней дорогой бьёт нервная дрожь
Занавеску, и ветер, и крылья, и крону.
Хоть бы кто нам сказал: «Да живите, не трону».
Обещай мне, что ты без меня не уйдёшь.

* * *

Если музыка есть, значит, тьма не кромешна.
Значит, с теменью можно справляться успешно.
И поют, и поют быстротечные нотки:
Мол, потери, потери, находки, находки.
О, как душу томят неумолчные звуки…
Разве можно, о Господи, взять себя в руки,
Если рвёт эта музыка душу на части,
На лету превращаясь в безумное счастье?

* * *

Вот факт, неведомый науке:
Как оказалось, можно жить,
Когда всё тело, ноги, руки
Не могут больше нам служить.
И не мрачнеет мир окрестный,
И не тускнеет небосвод,
И я смотрю спектакль местный
Про мировой круговорот.
И можно из единой точки,
И даже с места не сходя,
Увидеть яркие листочки
И дождь немного погодя.
И луч ложится на ступени
Того крыльца, где я сижу,
И с ним легко играют тени,
И я за играми слежу.
И кто бы ни был тот даритель
Лучей и капель дождевых,
Я благодарный потребитель
Всех мимолётностей живых.

* * *

О, как мне нужен некто старший,
Разумный, мудрый, как змея,
С харизмой чуть не патриаршей,
И чтоб не *я* была, не *я*
Тем умудрённым ветераном,
Тем любомудрым мудрецом,
Спецом по всем сердечным ранам,
За всё ответственным лицом.
О, как нуждаюсь я в совете
От долгожителя земли,
Что скажет: «Я за всё в ответе,
А ты лишь слушай и внемли».

* * *

Ну хоть ты, ну хоть ты, Боже мой,
Не советуй мне взять себя в руки.
Новый день — это новые муки.
Мне не справиться с ними самой.
И как будто бы слышу в ответ:
«День и ночь я тебе помогаю —
Твои тихие песни слагаю
Про надежду и воздух и свет».

* * *

В густой листве блестит просвет,
Струится воздух меж стволами,
Живёт в зазорах меж словами
На что-то важное ответ.
На то, что в воздухе висит
И ждёт, когда случайный ветер
Не то прошепчет, что в ответе,
Не то вопросы огласит.

* * *

А жизнь идёт, не умирает
И только скорость набирает,
И ветерок по деревам
Идёт, как жизнь, по головам.
Идёт летучим, лёгким шагом…
Мы за каким явились благом?
Единый мир на дни разъять
Иль необъятное объять?
Иль уловить тире и точки —
Несчастья близкого звоночки?

* * *

Кто рано встаёт, тому Бог подаёт:
То рифму подскажет, то слово найдёт,
То строчку нашепчет, что дивно легка,
Но чем-то обрадует наверняка.
И надо всего лишь чуть-чуть подождать,
В предутренней дымке нашарив тетрадь.

* * *

Года идут. Уроки длятся.
На них нас учат не бояться
И оставаться на местах
И жить с улыбкой на устах.
И чем бы нам ни угрожали,
Чему бы мы ни подлежали,
Нас учат слёзы не ронять
И силу духа сохранять.
И я с уроков не сбегаю
И отстающим помогаю,
Но мне самой, увы, не впрок
Завидной стойкости урок.
Меня от страхов тошнотворных
Спасает только горсть снотворных,
Коль эту горсть не забывать
Водичкой чистой запивать.

* * *

Пока я стихами с судьбой говорила,
Судьба моя щедро листвою сорила,
Бросала мне под ноги лист золотой…
О счастье весь день заниматься тщетой:
Бросать шелестящее слово на ветер
И ждать, чтобы кто-то поймал и ответил.

* * *

Едва проснулась, — боги, боги, —
И вот уже прошу подмоги.
Прошу помочь хоть часть пути,
Мне предстоящего, пройти.
Пройти сперва до той улитки,
Потом до запертой калитки,
Потом до палого листа,
Легко слетевшего с куста.
Ну а потом пройти дорожкой,
Что под асфальтовою крошкой.
А коль ещё минутка есть,
То до пенька, где можно сесть.
А там, глядишь, на самом деле
Мы всю дорожку одолели.
А ввысь, где в небе птиц петит,
Душа сама уж долетит.

* * *

Меня на свет произвели,
И я с тех пор живу на свете
И вижу всё в тревожном цвете —
И что вблизи, и что вдали.
Над головою синева,
Под синевой мой дом дощатый,
Где лист бумаги непочатый
Ждёт, чтоб проклюнулись слова.

* * *

Пожар — немыслимое дело.
А где «вчера»? Оно сгорело.
Верней, оно ещё горит
И даже что-то говорит,
Что досказать нам не успело.
В огне слепяще-золотом
Сгорит манящее «потом»,
От дыма «завтра» задохнётся,
И время съест, не поперхнётся
Твой мир, твой сон, твой милый дом.
Скорей! Ну что же ты стоишь?
Беги, кричи, пугая тишь.
Кричи: «Горим! Пожар! Спасите!
Гасите всё! Скорей гасите!»
А ты молчишь, стоишь, дрожишь.

* * *

Вы не видали? Тут мелькала
Одна чудачка. Всё искала,
Алкала не пойми чего.
Покоя? Может, и его.
Куда она запропастилась?
Да ей, наверное, помстилось,
Приснилось что-то, как всегда,
Она и бросилась туда.

* * *

В горле ком образовался
И большой бедой назвался.
Ветер, пламя и вода
Без особого труда
Уничтожили жилище.
Вот сижу на пепелище,
И вздыхаю, и грущу,
И спасения ищу,
И сама с собой толкую:
«Как принять беду такую?» —
И, губами шевеля,
Я шепчу: «Начать с нуля,
Появился случай редкий
С нулевой начать отметки.
Ты ж хотела, разве нет,
Чтоб исчезла груда лет?»

* * *

Кто-то свыше задумал меня наказать
И на все мои просьбы твердит: «Отказать».
Я немножечко сил у Него попросила
И огня, что осенняя хмарь погасила.
Но пойти мне навстречу никто не спешил.
Хорошо, хоть немного пожить разрешил.
Я боялась, что Он, не моргнув даже глазом,
И на это прошенье ответит отказом.

* * *

Я совсем не умею ни шить, ни вязать,
Но зато я два слова умею связать,
Но зато я могу и легко, и прозрачно
Намекнуть, что всё кончится очень удачно.
Предстоящий, манящий, влекущий денёк —
Это мой неизменно любимый конёк.
И когда всё вокруг непонятно и шатко,
Выручает любимая эта лошадка.
И кататься на ней — благодать, благодать,
Если только умело её оседлать.

* * *

Летают листья как попало —
И вкривь, и вкось…
Не то всё пало и пропало,
Не то нашлось.
Моя душа в недужном теле
Дрожит, поёт.
На этом свете вместо цели
Души полёт.
И буду жить, и загораться,
И множить свет,
Коль выйдет с силами собраться,
Которых нет.

* * *

Да я сама не понимаю,
Как чей-то тонус поднимаю.
Да я сама сто раз на дню
Мыслишки чёрные гоню.
Гоню напрасно, безуспешно.
Да я сама ведь безутешна
И говорю об этом вслух.
Да разве можно чей-то дух
С почти что нулевой отметки
Поднять до самой верхней ветки,
Где можно вместе с воробьём
Чирикать звонко и с огнём!

* * *

Я туда не хочу. Там ни света, ни лета.
Ну а здесь, если мучаюсь, то до рассвета.
А потом, как всегда, наступает рассвет,
Уверяя меня, что опасности нет,
Утешая советом: «Вставай, одевайся»,
Подбодряя дежурным: «Держись, не сдавайся».
Я на все уговоры легко поддаюсь
И в который уж раз на земле остаюсь,
То себя за доверчивость эту ругая,
То счастливые песни всё утро слагая.

* * *

О, как судьба неумолима!
Как суть всего неуловима!
Какая грусть, что дней в обрез,
Какой подарок — ширь небес!
И ежели сместить акценты
С плохих на светлые моменты,
С беды на «горе не беда»,
То будешь счастлив иногда.

* * *

Меня когда-то завели
В той точке мира и земли,
Где я слова «веселье», «птички»
Всегда стараюсь взять в кавычки,
Чтоб Господа прямую речь
От искажений уберечь.

* * *

Боялась в детстве темноты,
Собак, и драк, и хулиганов,
Боялась злых, боялась пьяных,
Орущих сипло: «Слушай, ты!»
А время, чью опасность я
До времени не сознавала,
Родных и близких убивало,
Тайком недоброе тая.

* * *

А мне эта жизнь так непросто даётся,
Что кажется, сердце вот-вот разорвётся.
Всё так беспросветно, и светлая даль
Уже и не светлая. Разве не жаль?
И всё же не будем устраивать сцену
И биться в тоске головою об стену.
Попробуем быть и добрей, и мудрей
В печальную пору глухих ноябрей.
Попробуем быть и терпимей, и кротче
В жестокую пору нахрапистой ночи,
Когда эта ночь настигает меня
Средь белого, белого, белого дня.

* * *

Смерть подошла ко мне вплотную
И говорит: «Ты жизнь земную,
Ты путь свой жизненный прошла
И даже за черту зашла.
И как тебе не надоело
Такое муторное дело?»
Я говорю ей: «Отойди.
Там что-то светит впереди».
Она бубнит: «Беда, напасти».
А я ей: «Отойди. Не засти».
Она мне: «Горе, море бед».
А я: «Уйди. Не засти свет».

* * *

Я так много повидала,
Что рыдала б и рыдала,
Оставляя влажный след.
Только влаги слёзной нет.
Вместо горькой слёзной влаги —
Горстка строчек на бумаге.

* * *

А недавно на земле у меня завёлся внучек —
Пара ножек, пара ручек —
лучик, вспыхнувший во мгле.
И прошу я, чтобы дни слали внуку лишь обновки
И в нарядной упаковке только радости одни.

* * *

Диагноз мой весьма опасный:
Я не умею быть несчастной,
С любой напастью насмерть бьюсь
И невезучей быть боюсь.
Должна удача улыбаться,
А день при встрече целоваться,
Шептать мне, доведя до слёз:
«Не принимай меня всерьёз».
А жизнь моя мне строит рожи —
Такие, что мороз по коже,
И забывает — вот где жуть —
Мне дружелюбно подмигнуть.

* * *

— Ты кто такой?
— Я первый встречный.
— Я хворый, маленький, не вечный,
Отважно бросившийся в бой,
Давно затеянный судьбой.
Ещё живой, ещё не павший,
Ещё свой бой не проигравший,
Ещё застрявший на краю,
Ещё лелеющий свою
Мечту, весну, мечту, надежду,
В строках живущую и между.

* * *

И вот уж побежали титры,
А мнилось — точка далека.
Ведь я всего лишь треть палитры
Сумела выстрадать пока.
Для заревого, золотого
Я не нашла полутонов.
Я полагала — будет снова
Для яви время и для снов.
А оказалось, вышли сроки,
И титры мелкие летят,
И неродившиеся строки
Грустят и плачут. Жить хотят.

* * *

Когда рассвет тебя, меня
Вдруг обведёт каёмкой алой,
Я стану жизни подпевалой,
Фанатом брызжущего дня.
Я буду дереву кивать
И с воробьём, шутя, чирикать,
Я буду небу нежно тыкать
И зёрна радости клевать.
Мне б только знать, что ничего
Сей день за пазухой не держит,
И свет, померкнув, вновь забрезжит,
И светлы помыслы его.

* * *

Это не вы потеряли терпенье?
Вон оно там — меж лучами и тенью.
Надо его поскорей отыскать,
Спрятать получше и не отпускать,
Чтобы потом на себя поражаться,
Как удалось до сих пор продержаться.

* * *

Шкодливый год уже кончается,
А пировать не получается.
Год наломал так много дров,
Что нету сил и нету слов.
А Новый год, что здесь поселится,
Своими планами не делится.
И может, к лучшему, а то
Здесь не остался бы никто.
А так сидят, едят и празднуют,
Сидят, еду вкушают разную.

* * *

Давай, дружок, с тобой обсудим,
Как будем жить, коль живы будем.
А впрочем, что тут обсуждать?
Мы, как обычно, будем ждать:
Я — свежих рифм, любимых, парных,
А ты — частиц элементарных.
Короче, будем ждать чудес,
И как всегда — с небес, с небес,
Где обитают свет и птички
И для любых проблем отмычки.

* * *

Итак, о чём сегодня речь?
О жизни, что привыкла течь.
Её нисколько не тревожит,
Что кто-то плыть уже не может,
Вздыхает: «Больше не могу.
Я посижу на берегу».
Но нету берега такого,
Чтоб отдохнул — и в реку снова.

* * *

День пришёл и молчит,
С миром лясы не точит,
Никого не винит,
Ни о чём не хлопочет.
И, любя окоём,
В чью-то душу не лезет
И о чём-то своём
Потихонечку грезит.
Глядя, как он во тьму
Уплывает в печали,
Прошепчу я ему:
«Хорошо помолчали».

* * *

Мир натаскан на зло,
Мир на злобу натаскан,
Ну а я всё равно
Верю радужным краскам,
Небесам, что цветут,
И сияющим взглядам.
Если праздник не тут,
Значит, где-нибудь рядом.
Значит, силится мир,
Плюсы, минусы взвеся,
Близ чернеющих дыр
Сохранить равновесье.

* * *

Мне подарили дней цепочку —
Цепочку нежных снежных дней,
А я из них сложила строчку
На языке, что всех родней.
Пройдя по буквенной тропинке
Сквозь шебутных снежинок рой,
Пришла без видимой заминки
К цепочке слов строки второй.
А дальше и бело, и пусто.
Чтоб белизны не нарушать,
Я строчку, свежую до хруста,
Готова вечно предвкушать.

* * *

И не жди ничего. Всё случится нежданно —
И карающий меч, и небесная манна.
И не надо тревожиться и волноваться,
Надо просто на милость мгновения сдаться,
Наготове держа благодарные слёзы
И молитву — на случай смертельной угрозы.

* * *

Я породнилась с белым днём,
С его мерцающим огнём.
Мы так друг к другу притерпелись
И так поладили и спелись,
Что мнится — можно мир спасти,
Вопрос бессмертья утрясти.

* * *

Жизни странная причуда —
Ты сюда, а я отсюда.
Жизнь полна подобных штучек.
Я ждала тебя, мой внучек,
Ты давным-давно мне снился,
А на свет вчера явился.
Мы друг другу улыбнулись
И, к несчастью, разминулись.
Я б хотела задержаться
И звезды твоей дождаться,
Но, боюсь, что мне случится
Чуть пораньше отлучиться.

* * *

Хотите знать героев дня?
Тогда спросите у меня.
Герои дня сегодня птички:
Зарянки, зяблики, синички,
Которые весь день поют
И нам почувствовать дают,
Прибегнув к трелям и руладам,
Что выход есть. Он где-то рядом.

* * *

И даже бедный куст кривой
Спешит в картинку так вписаться,
Чтоб крайне нужным оказаться,
Покуда дышит и живой.
Вот так и я, вот так и я
Хочу быть нужной и полезной,
Тем паче что над самой бездной
Висят картинки бытия.
То слышу злое: «Отойди!
С тобой сплошные неувязки».
То слышу голос: «Ты из сказки.
Из сказки той, что впереди».

* * *

А ночью мы тихо надежду хороним,
Надежду, которая жизни синоним,
Надежду, которая счастью сродни,
И нам остаются печали одни.
И давит на нас безнадёжности иго
До самой зари, до рассветного мига.

* * *

И была у мамы Жешка —
Друг, портниха, сладкоежка.
К жизни просто относилась
И с собою не носилась.
Там, где шила, столовалась,
Звонким смехом заливалась.
На столе жила машинка,
А в душе жила смешинка.
Жешка шила сарафанчик,
Ей отдали мой диванчик,
Ну а я спала с бабулей…
И летело время пулей,
Всё пронзая и сметая,
Потерпевших не считая,
Всё сметая вперемешку…
Вдруг я вспомнила про Жешку,
Как она у нас гостила,
Как жила и не грустила,
Хоть была почти бездомной
И жила в квартире съёмной.
Не в квартире, а в клетушке,
За душою ни полушки.
Я б её сейчас спросила:
«Ты под дурочку косила
Или впрямь легко смеялась,
Жить на свете не боялась?»

* * *

Заснула — снег. Проснулась — май.
Как хочешь, так и понимай
Жизнь заполошную такую.
Который век о ней толкую,
Спеша к ответу жизнь призвать.
Гадаю, как её назвать,
Твержу: «Безумная, дурная,
Голубка, солнышко, родная».

* * *

Какое счастье — быт, уклад
И дней похожих вереница,
Когда тот факт, что сладко спится,
Ценней и слаще всех наград.

Какое счастье — лад и быт,
Событий ход простой и ровный
И всех времён исход бескровный,
Когда ни страхов, ни обид.

О, как же надо напугать,
Как истерзать и как разрушить,
Чтоб побудить живую душу
Волшебных красок избегать.

* * *

Замоскворецкие дворы,
Такие детские, родные,
Такие гулкие, сквозные —
Подарки нищенской поры.
И все они вели туда,
Где мама долго раму мыла,
Где поживать не страшно было,
Где даже горе — не беда.
В те незабвенные края,
Где жил тепла весёлый плюсик,
И те, кто звал меня Ларусик,
Бессмертны были, как и я.

* * *

В интернете наткнулась на текст о семейке,
На картинку, где папа и мама из лейки
Поливают, светясь, своего малыша
И любовно, и нежно, почти не дыша.
Наверху небеса из весёлого ситца,
А пониже поёт, заливаясь, синица.
Повседневный, привычный, простой обиход —
За любимейшим дитяткой нежный уход.
Я сказала бы: «Вот настоящее счастье», —
Не творись это всё у чудовища в пасти.

* * *

Я глазам своим не верю —
До чего спокойно мир
Переносит все потери
И провалы чёрных дыр.

Хоть творятся злые вещи
И царит закон крутой —
Птичье крылышко трепещет,
Луч играет золотой.

Только бедные поэты
Эти раны бередят
И мириться с бездной этой
Совершенно не хотят.

* * *

Чем уж так мне дорога эта доля?
Никакого очага, кроме боли,
Никакой тропы земной, кроме торной,
Никакой ночи иной, кроме чёрной.
Чтобы снова всё цвело, колосилось,
Чтобы слово в новый стих попросилось,
Надо всё, что я вчерне набросала,
Я на дивный беловик написала.

* * *

Всё как по маслу, как по маслу —
Вчера зажглась, сегодня гасну,
А завтра вовсе пропаду,
Коль чудом вдруг не набреду
На небывалую развязку
И шанс весельем кончить сказку.

* * *

Утро небо подсинило,
И меня вдруг осенило:
Не начать ли мне с нуля,
А вернее, с ноты ля?
Ля — и мы, как прежде, юны.
Ля — натягиваем струны,
Ля — и каждая поёт:
Жизни смысл придаёт
И глубинный, и невнятный,
Только музыке понятный.

* * *

А я живу на пятачке
У неба вешнего в сачке.
Я — часть небесного улова,
Где всё светло, свежо и ново.
Кругом побеги, стебельки,
Жуки, младенцы, мотыльки,
Мальки. И чудом оказалось,
Что я меж ними затесалась.

* * *

И те, и те, и ты, и я
Возникли из небытия.
И этот адрес изначальный
У всех один, и он печальный.
И, слава Богу, нас спасли
И близко к свету поднесли.
Когда получше разглядели,
Узрели нечто в бренном теле,
Что телу не принадлежит
И лёгким крылышком дрожит.

* * *

Ярче свет, звончее птички.
Зачерпни живой водички,
Зачерпни воды живой,
Маясь в точке болевой.
Пусть водичка всё омоет,
Что болит, терзает, ноет,
Саднит, мучает, кровит,
Сжить со света норовит.

Из прежних книг

* * *

Не ждать ни переправы, ни улова,
Ни окрика, ни шороха, ни зова.
У леса, у глухого перелеска,
Средь синевы, и тишины, и плеска,
На берегу, колени к подбородку,
Сидеть, следя недвижимую лодку
И слушая полуденные речи
Реки, не прерывая, не переча.

Плёс, 1966

* * *

Жить на свете — что может быть проще? —
И в июньской полуденной роще
Меж стволами бродить и бродить,
И, беседы утративши нить,
Всё брести, не заметив молчанья,
В сонной роще, где вечно качанье
И поскрипыванье ствола
И на землю стекает смола.

1969

* * *

Что плакать ночи напролёт?
Уж всё менялось не однажды,
И завтра там родник забьёт,
Где нынче гибнешь ты от жажды.
И где сегодня прах один
И по останкам тризну правят,
Там Ника, вставши из руин,
Легко сандалию поправит.

1972

* * *

Гуси-лебеди летят
И меня с собой уносят.
Коль над пропастью не сбросят,
То на землю возвратят.
Но отныне на века —
Жить на тверди, небу внемля,
И с тоской глядеть на землю,
Подымаясь в облака.

1975

* * *

Неясным замыслом томим
Или от скуки, но художник
Холста коснулся осторожно,
И вот уж линии, как дым,
Струятся, вьются и текут,
Переходя одна в другую.
Художник женщину нагую
От лишних линий, как от пут,
Освобождает — грудь, рука.
Ещё последний штрих умелый,
И оживут душа и тело.
Пока не ожили, пока
Она ещё нема, тиха
В небытии глухом и плоском,
Творец, оставь её наброском,
Не делай дерзкого штриха,
Не обрекай её на блажь
Земной судьбы и на страданье.
Зачем ей непомерной данью
Платить за твой внезапный раж?
Но поздно. Тщетная мольба.
Художник одержим до дрожи:
Она вся светится и, Боже,
Рукой отводит прядь со лба.

1978

* * *

Вот жили-были ты да я…
Да будет меньше капли росной,
Да будет тоньше папиросной
Бумаги летопись моя!
Открытая чужим глазам,
Да поведёт без проволочки
С азов к последней самой точке!
Да будет сладко по азам
Блуждать, читая нараспев:
«Вот жили-были в оны лета…»
Да оборвётся притча эта,
Глазам наскучить не успев.

1981

* * *

Такие творятся на свете дела,
Что я бы сбежала в чем мать родила.
Но как убегу, если, кроме Содома,
Нигде не имею ни близких, ни дома.
В Содоме живу и не прячу лица.
А нынче приветила я беглеца.
— Откуда ты родом, скажи, Бога ради? —
Но сомкнуты губы и ужас во взгляде.

1981

* * *

Не больно тебе, неужели не больно
При мысли о том, что судьба своевольна?
Не мука, скажи, неужели не мука,
Что непредсказуема жизни излука,
Что память бездонна, мгновение кратко?..
Не сладко, скажи, неужели не сладко
Стоять над текучей осенней рекою,
К прохладной коре прижимаясь щекою.

1983

* * *

Маме

Я не прощаюсь с тобой, не прощаюсь,
Я то и дело к тебе возвращаюсь
Утром и вечером, днём, среди ночи,
Выбрав дорогу, какая короче.
Я говорю тебе что-то про внуков,
Глажу твою исхудавшую руку.
Ты говоришь, что ждала и скучала…
Наш разговор без конца и начала.

1983

* * *

А чем здесь платят за постой,
За небосвода цвет густой,
За этот свет, за этот воздух
И за ночное небо в звёздах?
Всё даром, — говорят в ответ, —
Здесь даром всё: и тьма, и свет.
А впрочем, — говорят устало, —
Что ни отдай, всё будет мало.

1983

* * *

Это всё до времени,
До зари, до темени,
До зимы, до осени,
До небесной просини.
Вздумаешь отчаяться,
А оно кончается.
Вздумаешь надеяться,
А оно развеется.

1985

* * *

Сколько напора и силы и страсти
В малой пичуге невидимой масти,
Что распевает, над миром вися.
Слушает песню вселенная вся.
Слушает песню певца-одиночки,
Ту, что поют, уменьшаясь до точки,
Ту, что поют на дыханье одном,
На языке, для поющих родном,
Ту, что живёт в голубом небосводе
И погибает в земном переводе.

1987

* * *

И проступает одно сквозь другое:
Злое и чуждое сквозь дорогое,
Гольная правда сквозь голый муляж,
Незащищённость сквозь грубый кураж,
Старый рисунок сквозь свежую краску,
Давняя горечь сквозь тихую ласку,
Сквозь безразличие жар и любовь,
Как сквозь повязку горячая кровь.

1988

* * *

Но в хаосе надо за что-то держаться,
А пальцы устали и могут разжаться.
Держаться бы надо за вехи земные,
За те, что не смыли дожди проливные,
За ежесекундный простой распорядок
С настольною лампой над кипой тетрадок,
С часами на стенке, поющими звонко,
За старое фото и руку ребёнка.

1989

* * *

Так хочется пожить без боли и без гнёта,
Но жизнь — она и есть невольные тенёта.
Так хочется пожить без горечи и груза,
Но жизнь — она и есть сладчайшая обуза,
И горестная весть, и вечное страданье.
Но жизнь — она и есть последнее свиданье,
Когда ни слов, ни сил. Лишь толчея вокзала.
И ты не то спросил. И я не то сказала.

1990

* * *

Нельзя так серьёзно к себе относиться,
Себя изводить и с собою носиться,
С собою вести нескончаемый бой
И в оба глядеть за постылым собой,
Почти задохнувшись, как Рим при Нероне.
Забыть бы себя, как багаж на перроне.
Забыть, потерять на огромной земле
В сплошном многолюдье, в тумане, во мгле.
Легко, невзначай обронить, как монету:
Вот был и не стало. Маячил и нету.

1990

* * *

Спасибо тебе, государство.
Спасибо тебе, благодарствуй
За то, что не всех погубило,
Не всякую плоть изрубило,
Растлило не каждую душу,
Не всю испоганило сушу,
Не все взбаламутило воды,
Не все твои дети — уроды.

1990

* * *

Эти поиски ключей
В кошельке, в кармане, в сумке,
В искромётности речей
И на дне искристой рюмки,
В жаркий полдень у реки,
И на пенной кромке моря,
И в пожатии руки,
И в сердечном разговоре,
И когда не спишь ночей,
Вдохновенно лист марая…
Эти поиски ключей
От потерянного рая.

1992

* * *

Концы с концами я свожу
Путём рифмовки.
Над каждым словом ворожу,
Движеньем ловким
Приделав лёгкие крыла
К слогам конечным,
Чтоб вечно музыка была
В пространстве вечном.
И где грозили небеса
Концом летальным,
Легко летают словеса
В наряде бальном.
Танцует смертная тоска —
Крылами машет,
И жизнь, что к гибели близка,
Поёт и пляшет.

1993

* * *

Кнутом и пряником. Кнутом
И сладким пряником потом.
Кнутом и сдобною ватрушкой…
А ежели кнутом и сушкой,
Кнутом и корочкой сухой?
Но вариант совсем плохой,
Когда судьба по твари кроткой —
Кнутом и плёткой, плёткой, плёткой.

1994

* * *

Если память жива, если память жива,
То на мамином платье светлы кружева,
И магнолия в рыжих её волосах,
И минувшее время на хрупких часах.
Меж холмами и морем летят поезда,
В южном небе вечернем пылает звезда,
Возле пенистой кромки под самой звездой
Я стою рядом с мамой моей молодой.

1994

* * *

И ты попался на крючок,
И неба светлого клочок
Сиял, пока крючок впивался
И ты бессильно извивался,
Стремясь на волю, дурачок.
Тебе осталось лишь гадать,
Зачем вся эта благодать
И для чего тебя вдруг взяли,
Из тьмы беспамятства изъяли,
Решив земное имя дать.

1994

* * *

А между тем, а между тем,
А между воспалённых тем
И жарких слов о том, об этом
Струится свет. И вечным светом
Озарены и ты и я,
Пропитанные злобой дня.

1994

* * *

Ждали света, ждали лета,
Ждали бурного расцвета
И благих метаморфоз,
Ждали ясного ответа
На мучительный вопрос.
Ждали сутки, ждали годы
То погоды, то свободы,
Ждали, веря в чудеса,
Что расступятся все воды
И дремучие леса…
А пока мы ждали рая,
Нас ждала земля сырая.

1995

* * *

Откуда ты?
Как все — из мамы,
Из темноты, из старой драмы,
Из счастья пополам с бедой,
Из анекдота с бородой.
Ну а куда?
Туда куда-то,
Где всё свежо: цветы и дата,
И снег, и ёлка в Новый год,
И кровь, и боль, и анекдот.

1996

* * *

Идут по свету дяди, тёти,
И все они в конечном счёте
Куда-нибудь придут.
Ну а душа — она в полёте,
Она ни там, ни тут,
Коль есть она. А если нету,
Придётся бедному поэту
Вот так писать в тиши:
«Людской поток течёт по свету,
Течёт — и ни души».

1997

* * *

Не стоит жить иль всё же стоит —
Неважно. Время яму роет,
Наняв тупого алкаша.
Летай, бессмертная душа,
Пока пропойца матом кроет
Лопату, глину, тяжкий труд
И самый факт, что люди мрут…
Летай душа, какое дело
Тебе, во что оденут тело
И сколько алкашу дадут.
Летай, незримая, летай,
В полёте вечность коротай,
В полёте, в невесомом танце,
Прозрачнейшая из субстанций,
Не тай, летучая, не тай.

1998

* * *

Хоть бы памятку дали какую-то, что ли,
Научили бы, как принимать
Эту горькую жизнь и как в случае боли
Эту боль побыстрее снимать.
Хоть бы дали инструкцию, как обращаться
С этой жизнью, как справиться с ней —
Беспощадной и нежной — и как с ней прощаться
На исходе отпущенных дней.

1999

* * *

Откуда всхлип и слабый вздох?
Из жизни, пойманной врасплох,
И смех оттуда,
И вешних птиц переполох,
И звон посуды,
И чей-то окрик: «Эй, Колян!» —
И сам Колян, который пьян
Зимой и летом,
И море тьмы, и океан
Дневного света.

2000

* * *

— Поговорим о пустяках,
О том, что не живёт в веках,
О том, чего — подуй — и нету,
О том, что испарится к лету,
К рассвету, к осени, к весне…
— О чём ты? Говори ясней.
— Я о пустячном, мимолётном,
О состоянии дремотном,
О том, как просыпаться лень,
Как тянет в беспросветный день,
Забыв себя, стать первым встречным…
Постой, но это же о вечном.

2000

* * *

Боже мой, какое счастье!
Всё без моего участья —
Ливень, ветер и трава,
И счастливые слова,
Что в загадочном порядке
Появляются в тетрадке.

2001

* * *

Вторник, пятница, среда…
Жить-то надо — вот беда,
Дни недели обилетить,
Проводить, потом приветить,
После снова проводить,
С ними есть и с ними пить,
В их дождях-лучах купаться,
В их подробностях копаться,
Их дарами дорожить…
Ну, короче, надо жить
От восхода до восхода
И в любое время года.

2001

* * *

Как под яблоней неспелый,
Несъедобный плод лежит…
Видит Бог, хочу быть смелой,
А душа моя дрожит.
И чего она боится
Под неспелых яблок стук?
Страшно ей, что жизнь продлится,
Страшно, что прервётся вдруг.

2002

* * *

Жить в краю этом хмуром, в Евразии сумрачной трудно.
Всё же есть здесь и радости. И у меня их немало.
Например, здесь рябина пылала по осени чудно.
Например, я тебя, мой родной, по утру обнимала.
Сыновей напоила я чаем со сдобным печеньем.
А когда уходили, махала им вслед из окошка.
Нынче день отличался каким-то особым свеченьем.
Разве есть на земле неприметная мелкая сошка?
Что ни особь, то чудо, и дар, и судьба, и явленье.
Разве может такое простой домовиной кончаться?
После жизни земной обязательно ждёт нас продленье,
Да и здесь, на земле, неземное способно случаться.

2006

* * *

Творенье — разве это труд?
Синь неба, листьев изумруд,
Цветок, что на земле родился,
Да разве наш Господь трудился?
Вдохнул и выдохнул — и вот
Земная твердь, небесный свод.

2009

* * *

А я пришла сюда за светом,
За вразумительным ответом,
За добрым словом, за участьем,
Короче, я пришла за счастьем.

И все сюда пришли за этим.
Что в результате мы ответим,
Когда нас спросят: «Сердце радо?»
Не надо спрашивать, не надо.

2009

* * *

Всё чисто, тихо, гармонично.
Я убедилась в этом лично.
Тихи снега и облака.
Не поднимается рука
Писать об этом мире плохо.
Какая б ни была эпоха,
Но плакаться в такие дни
И ночи — Боже сохрани.

2009

* * *

Чуть-чуть пишу, чуть-чуть читаю,
Но больше всё-таки летаю.
Летаю я куда хочу:
То в день грядущий залечу,
То залечу я в день давнишний,
Где сад был с яблоней и вишней,
Где детям было мало лет.
Ей-богу, мне прощенья нет —
Ведь небо нынче так лучилось,
А я вот снова отлучилась.

2009

* * *

Так ходить надоело. Ну что это — левой да правой.
Всё хожу да хожу, а взлететь не выходит никак
Над неровной землёй, надоевшей, любимой, шершавой,
Где всегда до конца, до последней черты только шаг.

Ах, взлететь бы, взлететь,
приподняться над ямой и кочкой.
Что там яма и кочка? Подняться б над всей маетой
И в сплошной синеве еле видимой маленькой точкой
Пролететь над когда-то пугавшей последней чертой.

2010

* * *

Зачем лета свои считать?
Уж лучше, как они, летать.
«Вам сколько?» — спросят. «Не считала.
Я просто знай себе летала
И у летящих лет крыла
Порою на прокат брала».

2011

* * *

Никто ведь не должен тебе ничего.
Ты праздника хочешь? Придумай его.
По песне тоскуешь? Так песню сложи
И всех окружающих приворожи.
По свету скучаешь? Чтоб радовал свет,
Ты сам излучай его. Выхода нет.

2011

* * *

Четверг пока необитаем.
К нему мы только подлетаем,
И гаснет окон череда.
Это кончается среда.
И вот уже мы близко вроде
К чему-то, чего нет в природе.

2011

* * *

Нет, нас не надо добивать,
Ведь мы умеем добывать
Молитвенное из мирского,
Как перламутр со дна морского.

Нет, нас не надо изводить,
За ручку надо нас водить,
Предупреждать, где кочка, яма,
Как делала когда-то мама.

2011

* * *

Спасибо, что погода есть.
Она ведь есть у нас всё время.
То дождик капает на темя,
То сушь и впору в воду лезть.

Я в среду рада, что среда.
В субботу рада, что суббота.
Мне быть счастливой так охота,
Ну так охота, что беда.

2011

* * *

Разговоры ведя или делая нечто земное,
Взять да вдруг распрямиться и руки на миг опустить,
В тишине наступившей услышать иное, иное
И увидеть, что чудо на шарике этом гостить.

И счастливо, — сказать уходящему мигу, — счастливо,
Мой летучий, мой праздный,
мой солнечный, мой голубой.
Ты ведь тоже творил на лету это дивное диво,
И как жалко, что мы не увидимся больше с тобой.

2011

* * *

А тогда, на начальном этапе,
Рисовала я солнце на папе,
А вернее, на снимке его.
Я не знала о нём ничего.
Лишь одно — его мина убила.
Но так сильно я папу любила —
Рисовала на нём без конца.
Вышло солнышко вместо лица.

2011

* * *

А круг, на котором я плавала, быстро спустил.
Мне лет было мало. Я плавать совсем не умела,
А мама не видела, мама на солнышке млела,
А я всё барахталась и выбивалась из сил,
Пока не нащупала пальчиком правой ноги
Спасительный камень в одёжке из скользкого ила.
…Никак не пойму я, что в жизни случайностью было,
Что Божьим ответом на сдавленный крик: «Помоги!»

2011

* * *

Не договаривают все:
И старцы мудрые, и дети,
Речушка в средней полосе,
Ромашка в поле и в букете.
И скрытен день, и ночь темнит,
И утро тихой тайне радо.
Сама судьба секрет хранит.
Не договаривай. Не надо.

2011

* * *

А где же конверт — чтобы с адресом, с маркой?
Где лист шелестящий с чернильной помаркой?..
Курсор подведи, затемни, сделай клик…
О, мир, до чего изменился твой лик!
Где почерк корявый? Где буквы с наклоном?
Да всё там, где надо, — во времени оном…
Запомнил и кликнул и в буфер занёс…
Но где же письмо, что промокло от слёз?

2011

* * *

Ну а если я что и открыла, то настежь окно.
Ни страны, ни вакцины, ни формулы не открывала.
Но зато как приветливо ветка в окно мне кивала,
Будто очень хотела со мной быть во всём заодно.
Всё же чем не открытие в царстве сует и тревог
В летних окнах распахнутых ласковый этот кивок.

2011

* * *

Что ни сутки, то круглая дата,
Годовщина не знаю чего:
То ли дождика, то ли заката,
То ли ветра, порыва его,
То ли чьей-то любви несуразной,
То ли чьих-то великих побед…
Суть не в этом. Ты, главное, празднуй,
Всех сзывая на званый обед.

2013

* * *

«Гуляйте, пейте. Я плачу́», —
Вот так я говорю лучу,
Теням танцующим и свету,
Кустам цветущим, то есть лету,
Которое продлить хочу.

За луч, скользнувший по плечу,
За луг, где ноги промочу,
За белизну июньской ночи —
Я жизнью, что ещё короче
За лето станет, заплачу.

2013

* * *

Внуку Данечке

Не мешайте ребёнку сиять,
Ну прошу, не мешайте
И счастливых смеющихся глаз
Этот мир не лишайте.
Что он стоит — подержанный мир —
Без такого сиянья?
Без него — он скопление дыр
И сплошное зиянье.
Если долго за взглядом следить —
За младенческим взглядом,
То далёко не надо ходить,
Всё чудесное рядом.

2014

* * *

Не прекращаются поставки
Листвы, и воздуха, и травки,
И птичьих стай, и летних гроз,
И света, и смертельных доз
Тоски, и горечи, и боли,
И ветра, ветра, ветра в поле.

2016

* * *

Какая нынче дозировка
Чудес, явившихся на свет?
А мне в ответ: «Да их и нет.
Есть шмель, есть божия коровка,
Есть блик рассветный, есть роса…»
Кричу: «Да это ж чудеса!
Они — мои. Беру всё оптом.
Беру, покуда не истоптан
Рассветный влажный сад, беру
Теней бесшумную игру,
Лучей серебряные нити.
Всё это — в воздух заверните».

2016

* * *

Какой же восторг я тогда испытала,
Когда я впервые по небу летала.
Мы с мамой летели куда-то на юг,
И вышел пилот из кабины и вдруг
Спросил, на меня очень весело глядя:
«Ну как?» — «Покачай посильней меня, дядя».
«А ты не боишься?» — «Совсем не боюсь».
Я точно ведь знала, что не разобьюсь,
Я знала, что мы прилетим, куда надо,
Что я в этом мире любимое чадо
И всё у любимого дитятки есть.
Мне было тогда то ли пять, то ли шесть,
И мир был надёжным, уютным и прочным,
Коль были проблемы, то с зубом молочным,
Который так сильно качался во рту,
Как тот самолётик со мной на борту.

2018

* * *

Опять здесь что-то попирают,
Опять надежды умирают,
Опять спешат здесь наказать
Того, кто тщится доказать,
Что, как во всём подлунном мире,
Здесь тоже дважды два — четыре.
«Нет, пять, — орут, — нет, пять, нет, пять,
Он враг, пора его унять.
Он оскорбляет наши чувства.
У нас свой счёт, своё искусство,
Своя морковка, свой укроп.
Прочь, ненавистный русофоб».

2019

* * *

Мне этой ночью не спалось,
А утро всё равно сбылось,
А утро всё равно явилось,
И занавеска оживилась
От утреннего ветерка.
Наступит день наверняка,
И даже, можно побожиться,
Наступит время спать ложиться.
Всё происходит по часам.
Лишь человек не знает сам,
Что будет с ним через минуту,
Чем постоянно вносит смуту,
Тоску, отчаянье и боль
В земную бренную юдоль.
С ним может всякое случиться.
Ему так просто очутиться
Там, где его и не найти —
Вне зоны действия сети.

2019

Содержание

Вместо введения:
двадцать одно стихотворение разных лет

«Я знаю тихий небосклон…» 7
«Жизнь побалует немного…» 7
«Хоть кол на голове теши…» 8
«Любовь до гроба. Жизнь до гроба…» 8
«Между облаком и ямой…» 8
«Люби без памяти о том…» 9
«То облава, то потрава…» 9
«Перебрав столетий груду…» 10
«И в чёрные годы блестели снега…» 10
«Всё способно умереть…» 10
«Неуютное местечко…» 11
«Столько нежности, Господи…» 11
«Я говорю с пространством, с небом, с Богом…» 11
«Идти по первому снежку…» 12
«Нет, мы не плачем, мы не плачем…» 12
«Хотите, опишу тоску?..» 13
«Можно вычислить время прилива…» 13
«Я ещё одну минутку…» 13
«Кто музыку такую сочинил…» 14
«А из последних новостей…» 14
«Счёт пошёл на минуты…» 14

Стихи 2020—2025

2020

«Проснулся? Ну значит, вернулся к себе…» 17
«Да не держи ты оборону…» 17
Целина. 1958 год 18
«Когда я за и против взвесила…» 18
«О, как мне хочется поплакать…» 19
«В окошко сунулась с вопросом…» 19
«Я дыханье твоё берегу…» 19
«А что такое — мирозданье?..» 20
«А вас как встретил мир земной?..» 20
«Я знаю, что значит уют…» 20

«А если в памяти порыться…» 21
«Куда-то с бабушкой иду…» 21
«Поверь, возможны варианты…» 22

2021

Год 1947 23
«Я звеньевая. Пятый класс…» 23
«Уговорили. Остаюсь…» 24
«Да не пропала строчка эта…» 24
«Точно с неба свалилась — никак не врублюсь…» 24
«Весь мир состоит из малюсеньких “я”…» 25
«А на снимке — давний миг…» 25
«Спасибо, сыночек, тебе за заботу…» 26
«Мне нынче всё до фонаря…» 26
«А мама праздники любила…» 27
«Я что-то давно дурака не валяла…» 27
«Заря собою упивается…» 27
«Я вовсе не держу в секрете…» 28
«Наверное, просто мне больше всех надо…» 28
«На чём же я могу настаивать?..» 28
«Мне дали всё: рассвет, закат…» 29
«Я снимаю с мира пенки…» 29
«Иногда надо в жизни хоть что-то менять…» 29
«А вот и музыка проклюнулась…» 30
«Да нет, — твердим, — да нет, да нет…» 30
«Мы чья печаль? Забота чья?..» 30
«А покуда осень длится…» 31
«Летает снег с тишайшим шорохом…» 31
«А знаешь, как я умудрилась…» 32
«Ну что ещё вы заберёте…» 32
«Но я должна вам пригрозить…» 32

2022

«И никаких проблем с общением…» 33
«Хотела смехом всех залить…» 33
«А если хочешь отдохнуть…» 34
«День, догорая, из-за туч…» 34
«Подержи мою поклажу…» 34
«Ах, снежный месяц. Снега крошево…» 35
«День начался весёлой пьеской…» 35

«А люди всё бегут, бегут...» 35
«Слова приходят, но они...» 36
«А жизнь идёт, идёт, идёт...» 36
«Все привычные вехи крошатся...» 36
«Дни чёрные, чёрные, чёрные длятся...» 37
«А стая птичьих божьих тварей...» 37
«“Держись, — сказали мне, — держись”...» 37
«Чем дальше в лес, тем больше дров...» 38
«Хоть жизнь моя перелисталась...» 38
«Когда тебе сто лет в обед...» 38
«Где-то рядом — смертный бой...» 39
«Когда, заглушая весенний галдёж...» 39
«А я хочу ещё при жизни...» 39
«Вот и нас не обошла...» 40
«Ах, поселиться б в точке света...» 40
«Простите, я не уследила...» 41
«О, как просто нас убить...» 41
«На этом свете белом-белом...» 41
«Мне ночь дала прямой ответ...» 42
«А в разбомбленном доме висит календарь...» 42
«Хочу, на всё махнув рукой...» 42
«Чем завершился разговор?..» 43
«Я много чего ещё не испытала...» 43
«Я с жасмином дружу...» 43
«Качнулась ветка, тень упала...» 44
«Рассвет прозрачнее слезы...» 44
«Как обойтись без рифмы парной...» 44
«Мне вечно что-нибудь мешало...» 45
«Я о страшном и знать не хочу...» 45
«Ну а пока одно лишь ясно...» 45
«День наступает неохотно...» 46
«Дорогие мои, чтобы вам рассказать...» 46
«О Боже, как нас наказали!..» 47
«Давай подумаем, как быть...» 47
«Худо мне в настоящее время...» 47
«Все друг друга предают...» 48
«“Как живёте?” — спросили...» 48
«А война не кончается, как и любовь...» 48
«Но пока в этой жизни есть повод для смеха...» 49
«А осень листву зажигала, гасила...» 49
«Я жизни тотчас всё простила...» 49
«Давай посидим, полистаем лета...» 50

«Трудясь над буковкой кривой…» 50
«Жизнь не нуждается в советах…» 51
«Проснулась и чувствую: всюду болит…» 51
«Живу одним, но дивным днём…» 51
«От листвы, что летает, то врозь, то гурьбой…» 52
«Чем занята? Пытаюсь жить…» 52
«Всё быстрее редеет друзей череда…» 52
«Слова привычные, родные…» 53
«А жизнь норовит превратиться в нытьё…» 53
«Всё было на шарике, всё уже было…» 54
«Себе приказываю спать…» 54
«Мне дали воздуха запасы…» 55
«Велели жизнь претерпевать…» 55
«Бабуля хворости мои…» 56
«Что творится в чистом поле…» 56
«Как же мне не быть счастливой?..» 57
«Дорогие мои, можно я вам поплачусь?..» 57
«Одомашнились слова…» 58
«Жизнь встречала войной и войной провожает…» 58
«Но побеждает — нет, не скрежет…» 58

2023

«Когда-то было так легко…» 59
«Хочу вернуться восвояси…» 59
«А ежели жить всё трудней и трудней…» 60
«У мальчика беда: кота с собой не взяли…» 60
«Малыш дотронулся до клавиш…» 60
«А дятел строчит и строчит по старинке…» 61
«Наутро я проснулась снова…» 61
«А вариант “не верьте чуду”…» 62
«Столько музыки красивой…» 62
«А нынче утром — вот дела!..» 63
«Живу, как будто почва есть…» 63
«Поскольку может всех касаться…» 64
«Так проснуться боюсь, так боюсь возвратиться…» 64
«Не достучаться я хочу, а попытаться…» 65
«Мне жить бы немо, точно рыба…» 65
«Шла на праздник — попала в беду…» 66
«Мы здесь, чтоб небом любоваться…» 66
«Весь день ловлю себя на слове…» 67
«Не зря я время провела…» 67

«А день, что был родным, домашним…» 68
«Ищу такую благодать…» 68
«Ребёнок маленький, а мама молодая…» 69
«Живу лишь Божьими дарами…» 69
«Дышу, шуршу, пишу любимые глаголы…» 70
«Когда в ночную тьму ныряю…» 70
«Я стихов не пишу…» 70
«Дни бегут, года летают…» 71
«Он приходил к нам на кружок…» 71
«Ну что ж? Потопчемся на месте…» 72
«Я на всё бросаю взгляд…» 72
«И день и ночь война, война…» 73
«Кто рано встал, имеет шанс…» 73
«Какая-то жизнь за окном копошится…» 74
«Не хочу я новой боли…» 74
«Приходи в этот мир со своей тишиной…» 74
«Начало дня. На сцене двое…» 75
«Потихоньку иду от сирени к жасмину…» 75
«В краю, где я душой и телом…» 76
«Пытаюсь войти в свою прежнюю роль…» 76
«О, как меня мотает от…» 77
«Умирать — так с музыкой…» 77
«Хочу сказать про свет в окне…» 78
«Малыш, закрыв глаза ладошкой…» 78
«Я с жизнью говорю на языке одном…» 79
«В облюбованном местечке…» 79
«В мире есть угрозы, слёзы…» 80
«Я обожаю общие слова…» 80
Израиль. 7 октября 2023 года 81
Москва. Март 1953 года 81
«Мой сынок лет пяти, когда был новичком…» 82
«В шестидесятом в Коктебеле…» 83

2024

«Сквозь тьму ночную прорвалась…» 84
«Жила, жила и спохватилась…» 84
«Откуда всё это взялось?..» 85
«Что мы празднуем? Бомбы летят…» 85
«Слова всё те же ключевые…» 86
«Говорят, что будет хуже…» 86
«Кричи же, младенец, кричи, коль родился…» 87

«Я никак не пойму, мне ещё интересно…» 87
«К лучам, присущим поднебесью…» 87
«Казалось мне, что дни летели…» 88
«Средь повседневной чепухи…» 88
«Как просто разделаться с бедными нами…» 88
«Но если всё лишь дело случая…» 89
«Никто нас сверху не курирует…» 89
«Сказать, как я лечусь от боли?..» 90
«Весенний щебет за окном…» 90
«Я здешних мест старинный житель…» 91
«Мир в весеннем свете тонет…» 91
«Счастливый день грачей, проталин…» 92
«Ах, весна, я люблю твои нежные цацки…» 92
«Почему-то нам внушили…» 93
«Все куда-то бегут, ну а я не бегу…» 93
«Добрый друг мой, давай созвонимся…» 94
«Мы нынче с тобой говорили всю ночь…» 94
«Как другу звонить?..» 95
«Ты как? — мой друг меня спросил…» 95
«А мне-то казалось, что было прошло…» 95
«Хоть не грянула беда…» 96
«А в родительский день нам повидло давали…» 96
«Сказать, на что я время трачу?..» 97
«А это кто на старом фото?..» 97
«Поменяли реквизит…» 98
«Ну признайся, скворец переливчатый…» 98
«А как живётся? Так живётся…» 98
«Меня бабуличка учила яичко не переварить…» 99
«Летает птичка, не боится…» 99
«Вопросы есть? Вопросы есть…» 100
«Молоточки и клавиши, клавиши, струны…» 100
«А чтобы жить, нужна отвага…» 100
«И кончается день, и кончается ночь…» 101
«Если музыка есть, значит, тьма не кромешна…» 101
«Вот факт, неведомый науке…» 102
«О, как мне нужен некто старший…» 102
«Ну хоть ты, ну хоть ты, Боже мой…» 103
«В густой листве блестит просвет…» 103
«А жизнь идёт, не умирает…» 103
«Кто рано встаёт, тому Бог подаёт…» 104
«Года идут. Уроки длятся…» 104

«Пока я стихами с судьбой говорила…» 104
«Едва проснулась, — боги, боги…» 105
«Меня на свет произвели…» 105
«Пожар — немыслимое дело…» 106
«Вы не видали? Тут мелькала…» 106
«В горле ком образовался…» 107
«Кто-то свыше задумал меня наказать…» 107
«Я совсем не умею ни шить, ни вязать…» 108
«Летают листья как попало…» 108
«Да я сама не понимаю…» 109
«Я туда не хочу. Там ни света, ни лета…» 109
«О, как судьба неумолима!..» 110
«Меня когда-то завели…» 110
«Боялась в детстве темноты…» 110
«А мне эта жизнь так непросто даётся…» 111
«Смерть подошла ко мне вплотную…» 111
«Я так много повидала…» 112
«А недавно на земле у меня завёлся внучек…» 112
«Диагноз мой весьма опасный…» 112
«Ты кто такой?..» 113
«И вот уж побежали титры…» 113
«Когда рассвет тебя, меня…» 114
«Это не вы потеряли терпенье?..» 114
«Шкодливый год уже кончается…» 114

2025

«Давай, дружок, с тобой обсудим…» 115
«Итак, о чём сегодня речь?..» 115
«День пришёл и молчит…» 116
«Мир натаскан на зло…» 116
«Мне подарили дней цепочку…» 117
«И не жди ничего. Всё случится нежданно…» 117
«Я породнилась с белым днём…» 117
«Жизни странная причуда…» 118
«Хотите знать героев дня?..» 118
«И даже бедный куст кривой…» 119
«А ночью мы тихо надежду хороним…» 119
«И была у мамы Жешка…» 120
«Заснула — снег. Проснулась — май…» 120
«Какое счастье — быт, уклад…» 121

«Замоскворецкие дворы…» 121
«В интернете наткнулась на текст о семейке…» 122
«Я глазам своим не верю…» 122
«Чем уж так мне дорога эта доля?..» 123
«Всё как по маслу, как по маслу…» 123
«Утро небо подсинило…» 123
«А я живу на пятачке…» 124
«И те, и те, и ты, и я…» 124
«Ярче свет, звончее птички…» 124

Избранное 1966—2019

«Не ждать ни переправы, ни улова…» 127
«Жить на свете — что может быть проще?..» 127
«Что плакать ночи напролёт?..» 128
«Гуси-лебеди летят…» 128
«Неясным замыслом томим…» 129
«Вот жили-были ты да я…» 130
«Такие творятся на свете дела…» 130
«Не больно тебе, неужели не больно…» 131
«Я не прощаюсь с тобой, не прощаюсь…» 131
«А чем здесь платят за постой…» 132
«Это всё до времени…» 132
«Сколько напора и силы и страсти…» 133
«И проступает одно сквозь другое…» 133
«Но в хаосе надо за что-то держаться…» 134
«Так хочется пожить без боли и без гнёта…» 134
«Нельзя так серьёзно к себе относиться…» 135
«Спасибо тебе, государство…» 135
«Эти поиски ключей…» 136
«Концы с концами я свожу…» 136
«Кнутом и пряником. Кнутом…» 137
«Если память жива, если память жива…» 137
«И ты попался на крючок…» 138
«А между тем, а между тем…» 138
«Ждали света, ждали лета…» 139
«Откуда ты?..» 139
«Идут по свету дяди, тёти…» 140
«Не стоит жить иль всё же стоит…» 140
«Хоть бы памятку дали какую-то, что ли…» 141
«Откуда всхлип и слабый вздох?..» 141

«Поговорим о пустяках...» 142
«Боже мой, какое счастье!..» 142
«Вторник, пятница, среда...» 143
«Как под яблоней неспелый...» 143
«Жить в краю этом хмуром...» 144
«Творенье — разве это труд?..» 144
«А я пришла сюда за светом...» 145
«Всё чисто, тихо, гармонично...» 145
«Чуть-чуть пишу, чуть-чуть читаю...» 146
«Так ходить надоело...» 146
«Зачем лета свои считать?..» 146
«Никто ведь не должен тебе ничего...» 147
«Четверг пока необитаем...» 147
«Нет, нас не надо добивать...» 147
«Спасибо, что погода есть...» 148
«Разговоры ведя или делая нечто земное...» 148
«А тогда, на начальном этапе...» 149
«А круг, на котором я плавала, быстро спустил...» 149
«Не договаривают все...» 149
«А где же конверт — чтобы с адресом, с маркой?..» 150
«Ну а если я что и открыла, то настежь окно...» 150
«Что ни сутки, то круглая дата...» 150
«Гуляйте, пейте. Я плачу...» 151
«Не мешайте ребёнку сиять...» 151
«Не прекращаются поставки...» 152
«Какая нынче дозировка...» 152
«Какой же восторг я тогда испытала...» 153
«Опять здесь что-то попирают...» 153
«Мне этой ночью не спалось...» 154

Литературно-художественное издание

Миллер Лариса

Передний край

Редактор: Александр Переверзин
Корректор: Ольга Нечаева
Автор логотипа: Лета Югай
Дизайн обложки: Екатерина Мурашова
Редакция журнала «Пироскаф»
e-mail: pyroskaf@yandex.ru

Издатель Переверзин А. В.
Подписано в печать 1.10.2025.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 10,25.
Печать цифровая.
Отпечатано в типографии «Белый ветер»
115054, Москва, ул. Щипок, 28

16+
Знак информационной продукции
(Федеральный закон №436-ФЗ от 29.12.2010)

Можно вычислить время прилива,
Скорость ветра и силу его,
Но захочешь понять, чем всё живо,
И опять не поймешь ничего.
Не поймешь, где тот скрытый моторчик,
Не дающий здесь всё сокрушить,
Почему задохнувшийся Корчак
Нам дышать помогает и жить.

ISBN 978-5-00231-429-4